

Дискуссии и обсуждения

НАСЛЕДИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ И РОССИЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ

Стенограмма семинара-диспута
18–19 мая 2013 г., Ростов-на-Дону
Донская государственная публичная библиотека

Участники:

Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор (ЮФУ)
Левина Г.В., координатор программ РОО «Кеннан» (Москва)
Макаренко В.П., доктор политических и философских наук, профессор (СКНИИЭиСП ЮФУ)
Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор (ЮФУ)
Марченко Т.А., доктор социологических наук, профессор (ЮФУ)
Мининков Н.А., доктор исторических наук, профессор (ЮФУ)
Паин Э.А., доктор политических наук, профессор (Научно-исследовательский университет — высшая школа экономики, Москва)
Попов В.Ю., младший научный сотрудник (СКНИИЭиСП ЮФУ)
Старостин А.М., доктор политических наук, профессор (ЮРИФ РАНХиГС при Президенте РФ)
Цымбал Е.В., кинорежиссер (Москва)
Шкуратов В.А., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

Первый день

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, начинаем нашу очередную акцию. Её проводит Центр политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем совместно с факультетом социологии и политологии, кафедрой теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета, Исследовательским комитетом по политической концептологии Российской ассоциации политических наук, клубом «Интеллектуальный Ростов», при финансовой поддержке Фридриха Эберта и при участии РОО «Кеннан». Напомню, что недавно переиздана книга Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка». Кто не читал — рекомендую взять книгу в библиотеке и прочесть, хотя бы для прочистки ума.

Э.А. Паин: Это первый американский руссолог...

Е.В. Цымбал: Но Институт Кенана организовал его внук, тоже чрезвычайно интересный человек, который провёл в Советском Союзе почти 20 лет. Одно время он был послом, как раз во время войны он был послом США в СССР, а потом представителем без мандата.

В.П. Макаренко: Разрешите мне представить наших гостей. В первую очередь, даму — Галину Владимировну Левину, — координатора РОО «Кеннан». К нам приехали также известный специалист-политолог, профессор Эмиль Абрамович Паин и известный кинорежиссёр, выпускник Ростовского государственного университета, обладатель премии Британской академии кино и телевидения Е.В. Цымбал. Прежде чем переходить к повестке дня, скажу сотню или больше вступительных слов.

В 1989 году я завершил первую программу по исследованию бюрократии и издал книжку «Бюрократия и сталинизм». Это — одна из наиболее известных моих книг. Проблемой бюрократии я занимаюсь с 1974 года. В период перестройки темы сталинизма и бюрократии были одним из популярных тем того, что я называю «временно-официальной идеологией». Под временно-официальной идеологией я имею в виду любые интеллектуально-политические моды, которыми в ситуациях неопределённости пользуется правительство, чтобы заткнуть политические, социальные, экономические и прочие дыры, которые образовались в результате его деятельности. И вот книжка вышла. Летом 1989 года я прогуливался по улице Энгельса, возле парка имени Горького. Потом прошёл на другую сторону Буденновского проспекта, в известный всем ростовчанам книжный магазин. Привезли несколько контейнеров моей книги. Я стоял в сторонке и смотрел, как мою книжку расхватывали прохожие — первые попавшиеся люди, а не адресные читатели. И во мне зыграла гордыня — вот до чего дожил! Я преисполнился громадного вдохновения. «Смотри-ка, — подумал я, — как расхватывают, наконец, усвоят все то, что там написано». Но то была моя далеко не последняя иллюзия. В то время темы сталинизма и бюрократии вроде бы пользовались официальной поддержкой.

И вот Советский Союз крахнул, если пользоваться жаргоном Ленина. В России осталась примерно половина его населения. Зато численность бюрократии возросла в два раза по сравнению с Советским Союзом. Об этом вы можете прочесть в статистических сборниках. То же самое можно сказать о теме сталинизма. Ряд политических сил страны реанимируют сталинскую идеологию. По-прежнему существуют институты, которые созданы при Сталине и по его программам.

Недавно переведена книга «Насилие и социальные порядки», одним из авторов которой является Нобелевский лауреат Дуглас Норт. В этой книге есть несколько упоминаний о России. В том числе то, что путинская Россия — это вариант древней Месопотамии и Англии эпохи Тюдоров. Для обоснования этого вывода Дуглас Норт вводит понятие естественного государства. Естественное государство как раз предполагает господство тех лиц и структур, которые сложились при Сталине. Но их господство ведёт к последующему краху естественного государства.

Конечно, дело не в Сталине. Время «сталинских соколов» — т. е. людей, лично ему обязанных карьерой, прошло. Но созданные им институты воспроизводят блок проблем, которые пытаются осмысливать интеллектуально честные экономисты, юристы, историки, социологи, кинорежиссёры. С этой точки зрения особую актуальность сегодня имеет представление той художественной продукции, которую привез с собою Е.В. Цымбал.

В заключение скажу, что профессор Паин сообщил: его доклад будет посвящён более широкой тематике, а не только левому движению.

Е.В. Цымбал: Уважаемые зрители, слушатели, коллеги и мои однокашники! Я очень рад видеть здесь Анатолия Владимировича Лубского, с которым мне довелось прожить три года в одной комнате, хотя и в разных местах, по разным адресам. Не менее рад Николаю Мининкову, с которым мы вместе учились. Здесь есть Феликс Тодоров, тоже мой однокурсник, и Октай Мамедов, с которым мы сотрудничали. Простите, если я кого-то не назвал, все-таки я уже 39 лет не живу здесь, хотя считаю себя по-прежнему ростовчанином.

Сейчас мы посмотрим два фильма. Первый называется «Обыкновенный большевизм», он был снят в 1999 году. Возможно, некоторые вещи и некоторые акценты за это время изменились. Кино стареет быстрее, чем тексты, но иногда бывает наоборот. Первый фильм идёт около 80 минут. Потом у нас будет перерыв. Второй фильм называется «Защитник Седов», он идёт 44 минуты. После фильмов я готов буду ответить на ваши вопросы.

После просмотра фильмов звучат аплодисменты.

Е.В. Цымбал. Первый фильм был снят 25 лет назад, при советской власти. Пожалуйста, какие будут вопросы.

В.П. Макаренко: В последних кадрах — это Микоян?

Е.В. Цымбал: Да, это Микоян, в кадре находится 20-летие ВЧК в Большом театре, на котором должен был выступать Сталин. В последний момент Сталин позвонил и сказал, что занят делами, пусть выступит Микоян. Микоян совершенно не был готов к выступлению. Как вы видите, он импровизировал, нёс всякую чушь в духе своего времени.

Голос из зала: А не было кадров по поводу того, как самого Ежова погнали?

Е.В. Цымбал: Как правило, такие вещи не снимали. О борьбе с ежовщиной не было фильма.

Голос из зала: Но в кадрах он есть.

Е.В. Цымбал: Да, есть.

Голос из зала: Ваши источники все советские. Не приходило ли вам в голову, что есть достаточно репрезентативные английские, немецкие источники?

Е.В. Цымбал: Вы знаете, наверняка есть. Беда в том, что в те времена зарубежная хроника стоила в сотни раз дороже нашей. А сейчас уже и наши приближаются по стоимости к той цене, которая существует на Западе.

Голос из зала: А что Евгений Васильевич делает сейчас?

Е.В. Цымбал: Я могу вам назвать три фильма. 4 года назад снял фильм «Остановивший время» о Владиславе Микоше. То был один из лучших наших операторов, человек, который начинал снимать в 1932 году. Будучи студентом ВГИКа, он снимал взрыв храма Христа Спасителя, потому что считался лучшим студентом на операторском факультете. Рядом с ним стоял чекист, и как только кончалась плёнка, он под расписку сдавал этот материал. А увидел он этот материал спустя 54 года, в 1988 году. Он был фронтовым оператором, снимал всю оборону Севастополя, был в осаждённом Севастополе до последнего дня. Его увезли контуженного. После этого он подлечился, и его послали на съёмки американско-английских конвоев в Архангельск. Потом он с конвоями попал в Англию. Из Англии они поплыли в США. Конвой шёл вдоль Гренландии, обходными путями, чтобы обмануть немцев. Как выяснилось, немцы не обманывались, они просто шли тихо вместе с ними и выжидали удобного момента. В конвое было 113 судов, и когда до Нью-Йорка оставалось три дня пути, немцы атаковали их, у них это было очень хорошо отработано. Они подбивали первое и последнее судно, потом правое и левое. Так весь конвой оказывался в квадрате горящих судов, естественно, началась неразбериха, паника. А немцы ходили по кругу и уничтожали. В Нью-Йорк пришло 45 судов из 113. Когда они приехали в Нью-Йорк, достали сразу камеры, чтобы снимать. Но в посольство пришла телеграмма: любые съёмки в Америке категорически запрещаются. Потому что Сталин подумал и сказал: наши будут снимать там, и мы должны будем пустить их оператора, но нам не надо никаких съёмок. Правда, когда не было никого из посольства, они снимали втихаря маленькими камерами.

Там была забавная история. Когда они приехали в Америку, выяснилось, что никаких документов на них не пришло. Их тут же арестовали. После этого был суд, где было вынесено решение об их депортации. Но судья сказал: у нас сейчас идёт война, и вы наши союзники; я вынесу приговор о вашей депортации с правом на обжалование; у вас есть 75 дней на то, чтобы обжаловать. 75 дней вы можете находиться в США. Добро пожаловать в Америку! Они провели там достаточно долгое время, консультировали несколько американских филь-

мов, посвящённых России. У Владислава Микоши был роман с актрисой Хейди Ломар. Это была выдающаяся женщина. Помимо невероятной красоты у нее ещё было физическое образование. Она придумала что-то такое, что явилось основой радиолокационной техники и нынешних сотовых телефонов.

После этого они из Лос-Анджелеса двинулись во Владивосток, но в 2-х днях пути до Владивостока их остановил японский крейсер. С японцами у нас был вооруженный нейтралитет, они имели право досматривать наши суда, чтобы в наших судах не было оружия. Естественно, пароход был набит американским оружием, хотя на ящиках было написано «станки» и что-то такое. Когда пришли японцы, выяснилось, что у нас не до конца точно оформлены документы. И капитан сказал, что да, я с удовольствием вас пушу, вот я связался с нашими властями, и они сказали, что пока не будет этих документов, мы вас пустить не можем. Хорошо! — сказали японцы, мы вам завтра эти документы привезём. Отошли буквально на 300 метров и сказали: вы здесь стоите и никуда не деваетесь. Ночью лёг туман, команда вручную выбрала якорь, шлюзы, из которых цепи шли, были укутаны телогрейками, чтоб не было лязга. И они ушли в тумане и пришли во Владивосток. Когда этот пароход пошёл обратно, японцы его потопили. Микоша со своими коллегами приехал в Москву на Центральную студию документальных фильмов, сдал более 30 коробок отснятого материала, больше этого материала никто не видел и не слышал. Потом он долго ещё воевал и закончил войну съёмкой капитуляции Японии на крейсере «Миссури».

После этого у меня был фильм «Дневник из сожжённого гетто». Мы нашли девушку, которая, как Анна Франк, вела дневник в каунасском гетто. К счастью, она осталась жива. Но этот дневник — он остался совершенно неизвестным, потому что всех, кто ее спасал, посадили за участие в гестаповско-сионистском заговоре. Все они получили по 10 лет, уехали в Амурскую область, на Колыму. Она жила в Советском Союзе до 1971 года, ее зовут Тамара Ростовская. Можно найти в Интернете это имя и дневник. В 1974 году дневник был опубликован в Израиле в переводе на иврит, в 1994 году издан в Литве в переводе на литовский. После нашей картины я связался с исследователем Павлом Поляна и надо отдать должное его энергии, нам удалось издать впервые этот дневник на русском языке.

Мой последний фильм называется «Юргис Балтрушайтис — последний рыцарь Серебряного века». Это история литовца, русского поэта, одного из выдающихся деятелей культуры XX века и создателей русского символизма, человека, который знал два десятка языков и перевёл на русский язык Ибсена, Инберга, Гамсуна, Уайлда. Он жил в Москве. В 1920 году литовцы предложили ему стать представителем, а потом послом Литвы в России. Он пробыл на этом посту до 1939 года, то есть прожил в Москве 47 лет. Была неизвестная глава в его деятельности — он стал давать выездные визы деятелям Серебряного века. Мне лично удалось установить, что он дал визы Марине Цветаевой, Ходасевичу, Берберовой, Бальмонту, Вячеславу Иванову, Борису Зайцеву, Алексею Ремизову, Шимону Дубнову, Мстиславу Добужинскому, Коровину. Скорее всего по литовским визам уехали также Шалапин, Кандинский, Рерих, семья Пастернаков, Андрей Белый и Борис Пастернак, которые быстро вернулись и т. д. и т. п. Могу сказать, что среди них родители политического обозревателя Познера, дочери Александра Скрябина, мать Мария. В общем, это ещё поле для исследования. Вот три моих последних фильма, что будет дальше — не знаю.

В.П. Макаренко: Как имя Микоши?

Е.В. Цымбал: Владислав, он саратовский поляк.

Э.А. Паин: Вопрос у меня такой: это наследие коммунистического прошлого или какого-то другого? Коммунистический — это единственный или один из возможных псевдонимов или это уже другая тема?! Если позволите, я выскажу также несколько ремарок по поводу того, что увидел. Меня уполномочил не Сталин, но совесть и личный интерес. Я все видел в первый раз, фильм художественный и документальный. Документальный мне в начале сильно не понравился. Многие вещи сняты так, как будто текст написал белый эмигрант с из-

вестными фобиями. И советский период, большевизм, который вторгся в Афганистан, а потом туда вторгся американский небольшевизм...

Е.В. Цымбал: Но это уже было после фильма.

Э.А. Паин: Для такого дела не обязательно, чтобы это был большевизм. Ко многому можно бы было придаться, но если соединять два фильма, — что для меня было важнее всего, — то в них речь идёт о неких заражениях, процессах схождения и взаимовлияния большевизма и нацизма. И не только. Речь идёт о факторе радикализма, который переходил из большевизма в нацизм и наоборот. На этой основе возникло массовое заражение, эпидемия. Вот это вещь чрезвычайно важная: как это происходит и как это может быть опасно и незаметно. После того, как власть демонстрирует, что суд, право и закон как дышло... Если эту народную мудрость подкрепить двумя-тремя примерами, то в принципе можно довольно быстро создать ситуацию поиска врагов народа. Художественный фильм просто замечательный. Особенно концовка. Все ждали, что Седова поведут в наручниках, а он оказался героем. Это все очень интересно и важно. А что же это, если не коммунизм?! Что это такое?

Я думал об этом, когда в начале документального фильма говорили, как высоко и широко шагала Россия к 1913 году, что уровень достиг уровня Франции, что она опережала по темпам Америку. Опережала, но это была абсолютистская монархия. Первый парламент в России был создан на 60 лет после соседней Османской империи. Там уже 60 лет был, когда у нас появилось нечто похожее. В этих условиях все время существует опасность. В документальном фильме была фраза: улица была во власти толпы. Абсолютизм даёт право власти толпы. И если нет общества, если оно не структурировано, то получается выбор: из огня да в полымя. Этот вариант возвратных движений и его природы — чрезвычайно важная вещь. Я совсем недавно выступал по радио, у меня вышла заметка в «Огоньке». Множество радиостанций решили взять у меня интервью, паре я дал, в том числе Русской службе новостей. Вот и Женя слышал. Закончилось все это тем, что один из слушателей сказал: мы хотели бы, чтобы вы сплотились в газовой камере.

Причём, никто со мной не спорил по сути. Никто не говорил, что написал автор правильно или неправильно. Слова «газовая камера», «натянуть кожу на абажуры» и им подобные присущи отнюдь не только советскому мышлению. Оказывается, нужно всего лишь чуть-чуть разозлиться на человека, чтобы узнать, что он планирует взрыв в метро или нашего товарища Сталина или шести доярок с помощью быков. Все легко происходит и легко производится; и природа этого понятна. Не формируется гражданское общество, нет того, что называют гражданской нацией. Даже никакого интереса к этому нет, это не обсуждается. Я не буду сравнивать фильмы с научными исследованиями, это нелепо. Но польза таких фильмов чрезвычайно важна, это заслон от инерции воспроизводства массовой паранойи. Проблема воспроизводства массовой паранойи под любым идеологическим названием крайне важна. Это может быть названо как угодно, не обязательно коммунизм, нацизм, фундаментализм. «ИЗМов» может быть бесконечное множество, но такая возможность существует всегда. Я очень жалею, что этот фильм забыт. Его нужно было многократно пускать по телевидению, чтобы его смотрели. Ведь примерно похожее делается сегодня. Этот фильм стоит обсуждать и показывать. Но если даже два человека в каждой аудитории вынесут что-то для себя после всего этого, то это уже будет хорошо, уже заслон, уже какая-то защита.

Е.В. Цымбал: Спасибо всем большое! Конечно, у этих фильмов была разная судьба. По сведениям Мосфильма, «Защитник Седов» купили 862 управления кинофикации и кинопроката. А его производство обошлось всего в 60000 рублей. Деньги были поделены на две части, я очень опытный кинематографический волк. Тюрьма снималась в подвале Мосфильма; кабинет следователя и кинотеатр — в проходной автобазы. Фильм снят за 18 дней в городе Серпухове. Квартира Седова была снята в чужой декорации, которую я переобставил. В подвале Мосфильма был пустой и заброшенный народный театр, там ничего нет, кроме шкафов. Мосфильм продавал этот фильм по 100000 рублей и продал 862 копии. Мне заплатили как за

две части, так как планировался двухчастевой фильм. «Защитник Седов» имел достаточно шумный резонанс. В газете «Правда» была опубликована статья, что фильм создан по худшим рецептам геббельсовской пропаганды, что Цымбал — это Иуда, который сполна отработал свои тридцать серебряников, а в скобочках добавлено: можно только догадываться, сколько ему щедрой рукой заплатили сионисты и американские империалисты за поливание нашей истории.

В.П. Макаренко: Кто автор этой статьи?

Женский голос: Скажите, пожалуйста, предположим, вы сейчас, в 2013 году снимали бы свой документальный фильм. Изменились ли аксиологические акценты и внутреннее ощущение художника — кинематографического волка, как вы сами себя назвали?

Е.В. Цымбал: Вы знаете, мы, конечно, все меняемся. Если бы сейчас я делал эти filmy, в «Седове» я ничего бы не стал менять. В «Обыкновенном большевизме» я, наверное, больше уделил бы внимания не индоктринации народа, а его собственной психологии и тем механизмам, которые заставляют нас ходить по этому кругу. Я бы больше внимания уделил социально-психологическим моментам, массовой психологии, психологии толпы, если хотите.

Женский голос: Эмоциональному интеллекту?

Е.В. Цымбал: Я не думаю, что там много интеллекта. Я думаю, что есть много стереотипов или идиотизмов национальной истории и национального характера. Они существуют внутри каждой нации и страны. Это невероятно устойчивая вещь. Чтобы они изменились, нужны очень многие годы. Когда меня упрекали за то, что я снял такой фильм; я сказал: «Простите, прокоммунистических фильмов сняты десятки тысяч, можно снять и один антикоммунистический фильм». Беда наша в том, что это направление и тенденция не получили развития. Чтобы исправлять какие-то ошибки, нужно хотя бы их осмысливать или воспринимать рационально. Я имею надежду, что кино прежде всего имеет отношение к искусству. А искусство всегда обращается не к рассудку, а к эмоциям. Как говорил Владимир Набоков, у искусства одна цель — потрясать. Не знаю, насколько это мне удалось.

А.М. Старостин: Первый фильм не могу оценить, он в моё мировосприятие не входит, и не потому, что я человек левых убеждений. Эгалитаризм там подвергнут очень грубой обработке. Мы знаем теперь гораздо больше, чем знали даже в конце 1980-х. Более того, в России сама политическая практика, история и политическая история была, как правило, не кумулятивной. Выводов из прошлого не делается, опыт не накапливается, гражданская культура не идёт своим путём. Поэтому я думаю, что сюжет документального фильма отработал свое. Ведь есть вещи и заказные. А «Защитник Седов» — это пример художественной философии. На коротком промежутке с помощью ёмких образов, многомерно показана суть сталинизма. Хотя какая-то одна нитка совпадает с первым фильмом. Но есть не только эта нитка, а и множество других, которые потом проявились. Фильм зафиксировал времена 1930-х и те надежды, с позиций которых этот фильм снимался. Да и вообще трудно в России быть Богом...

Е.В. Цымбал: Да в России трудно просто быть...

А.М. Старостин: Как-то мы очень спешим и увлекаемся большими проектами. Едва мы к этим проектам обращаемся, в конце получается совсем не то, что было задумано в начале. То ли народ неправильный, то ли главные конструкторы опыта не имеют; то ли глобальные обстоятельства мешают. У меня тоже нет ответа.

Е.В. Цымбал: А у меня реплика на реплику. Для меня лично большевизм — не столько политическое и философское, сколько этическое и социологическое явление. Я рассматриваю его прежде всего с этой стороны. Например, в нынешней ситуации идеологии большевизма у нас нет, а этики и социальной психологии большевизма очень много. Я считаю, дело не в народе, но народ ведь нужно воспитывать. Ему нужно постепенно прививать какие-то образцы, цивилизованные пути существования, а это очень длительный кропотливый тяжкий процесс.

Многим из нас преподавали материализм, теорию партии, мне в том числе. Вы понимаете, у нас нет понятийного аппарата для описания каких-то других возможностей. Поэтому мы волей-неволей вынуждены возвращаться на тот же путь, на те же круги. Плюс ситуация с отношением: народ и власть. Я считаю, что это не изменилось то ли со времён Киевской Руси, то ли со времён монголо-татарского ига. Если ты — власть, тебе все дозволено. Если вы — народ, то вы знаете что...

В.П. Макаренко: Какие ещё есть вопросы, реплики, высказывания? Тогда у меня сначала реплика, а затем высказывание по поводу того, что здесь прозвучало. Конечно, потрясают вещи, которые пытаются изнутри описать репрессивную машину с помощью художественных средств. Мне кажется, тут нужна целая государственная политика, чтобы каждый представлял, что такое государство и люди, которые выполняют роль элементов или винтиков в государственной машине. Тут рациональности и рассудочного восприятия недостаточно. Конечно, оно необходимо, но лишь после того, что Роман Ингарден в его классической работе «О познании литературного произведения» назвал предварительной эмоцией. Если предварительной эмоции нет, то ее можно создать. Евгений Васильевич это делает и создаёт, и это прекрасно. На этой базе можно изучать нашу квазисобственную историю.

Теперь скажу о сравнении с 1913-м годом. Почему-то профессиональные отечественные историки мало фиксируют следующую цепь вполне определённых событий, начиная с 1850-х гг. до настоящего времени. Россия проиграла Крымскую войну 1853–56 гг. В 1904–1905 году она проиграла войну с Японией — небольшим островным государством. Первую мировую войну Россия тоже проиграла. На протяжении чуть больше полувека монархическая Россия проиграла три войны. В 1920-м году Советская Россия потерпела сокрушительное поражение под Варшавой. В финской войне 1939–1940 Советский Союз тоже потерпел поражение. В любом случае его людские потери не идут ни в какое сравнение с потерями Финляндии. В 1986 г. СССР пришлось ретироваться из Афганистана после семилетней войны. Какова была наша техника и качество вооружений в войнах между Кореей и США, Израилем и Египтом — особая тема. Холодную войну СССР тоже проиграл. На протяжении 150 лет страна изменила политический строй и понесла при этом сколько поражений — пусть каждый посчитает сам. Эта связь событий нуждается в углублённой рефлексии. На нее мало обращают внимания. Опять звучат победные фанфары.

Если стоять на почве фактов, то история государства не есть только история побед, но и история поражений. Истории без поражений не бывает. Евгений Васильевич прекрасно сказал, что если снято сто апологетических фильмов про советскую власть, то не грех снять хотя бы десяток против этой власти. Тут я абсолютно с ним согласен, хотя и в этом случае будет явная диспропорция. Независимо от того, идёт ли речь о надеждах или трагедиях, мы в любом случае отступаем от исторических реалий, исторической правды.

А.М. Старостин: Виктор Павлович, но это же не научный, а идеологический подход.

Е.В. Цымбал: Должен сказать, что авторское название первого фильма было «Краткий курс истории ВКП(б)». Его переименовали продюсеры.

В.П. Макаренко: По поводу истории ВКП(б) сейчас тоже скажу. Спасибо, что вы эту тему зацепили. В 4 года я научился читать. Первая книжка, которую я в своей жизни прочёл, был «Краткий курс истории ВКП(б)». Дома почти не было никакой литературы. Отец ходил на занятия, изучал краткий курс, а я вместо букваря учился читать на этом кратком курсе. Целые фразы оттуда до сих пор помню. Могу цитировать, но не буду этим заниматься. Вы затронули социальную психологию. А я с удовольствием сошлюсь на мою супругу Татьяну Александровну. Она краткий курс ВКП(б) сегодня носит студентам на лекции, зачитывает оттуда фразы студентам. Сам текст у большинства студентов вызывает восторженный отзыв.

Е.В. Цымбал: А у кого-то вызывает и энтузиазм!

В.П. Макаренко: Вряд ли можно добиться того, чтобы пропорция восхищения и отвращения при восприятии этого текста была бы одинаковой. Мне понравилось ваше высказыва-

ние о социально-психологических корнях большевизма. В этом смысле большевизм жив до сих пор. Приведу примеры.

В постсоветской России причиной авторитарных тенденций является связь экономики с политикой. Под предлогом модернизации страны власть транслирует советско-монархическую связь политического угнетения с экономической эксплуатацией людей и природы. Драма посткоммунистической трансформации — это борьба между поклонниками рынка и рантье. Государственные рантье поставили задачей переходного периода сохранить условия для извлечения ренты в любых обстоятельствах. Существуют ли параллели между ситуацией в России и ситуацией в других странах? С удовольствием сошлюсь на Дугласа Норта, который в своей классической работе показал, что институты армии, церкви и бюрократии — главные действующие лица латино-американского пути зависимости от траектории предшествующего развития. В результате испаноязычные страны навсегда отстали от других стран Запада. Движение России сегодня по латиноамериканскому пути подтверждено. Довольно много есть исследований, фиксирующих параллели между Россией и испаноязычными странами. Так что предпосылки для анализа влияния армии, церкви и бюрократии на социальную жизнь страны уже появились. Мне кажется, нужен детальный анализ влияния этих политических институтов на социальную психологию России.

Эту проблему можно ставить и решать по-разному. В том числе на основе прозрений Андрея Платонова об универсальности двоемыслия. В научной литературе обычно при описании двоемыслия связывают эти явления либо с Оруэллом, либо с Владимиром Кормером, считая что оно характерно только для Советского Союза. Однако Андрей Платонов считал этот феномен следствием и причиной поведения и появления особого социально-антропологического типа, возникшего в СССР после революции. Приведу здесь главные констатации Платонова.

Первая рубрика: общая характеристика человека. Давайте вслушаемся в то, что писал Платонов. Типичный человек нашего времени — это голый и без имущества в предбаннике истории, готовый на все, но не на прошлое. Не Иван-дурак, а Иван-аспид, Иван-хитрец — вот сущий тип нашего времени. Сознание себя Иваном-дураком — это самосознание народа или класса. Каждый человек с детства вырабатывает социальную маску, чтобы гарантировать себе наибольший успех. Уже с детства человек впадает в уродство, люди на самом деле замаскированы. Такова характеристика материала, на котором растут социально-психологические предпосылки сталинизма.

Е.В. Цымбал: Если я не ошибаюсь, в Ростове в 1987 или 1988 году, на Северо-Кавказской студии кинохроники, Ростовской студии кинохроники был снят замечательный фильм Сергея Стародубцева. У меня лично он есть, где его найти в Ростове, пока не знаю, но, наверное, можно. Фильм совершенно потрясающий. Жаль, что Сережа безвременно погиб

В.П. Макаренко: Я помню эту фамилию, он работал на телевидении.

Е.В. Цымбал: Именно так.

В.П. Макаренко: Спасибо за подсказку. Второй сюжет я обозначаю так: связь революции и контрреволюции. Я считаю, что у людей, подобных Евгению Васильевичу Цымбалу — т. е. у публицистов и художников, — нюх как у охотничьего пса. Они раньше других должны фиксировать явления, за которыми должна следовать теоретическая мысль. Поэтому для меня художественные вещи важнее. Андрей Платонов писал, что революция была задумана в мечтах о никогда несбывшихся вещах. Такие мечтания он называл тайными идеями и указывал три таковых: устранение религии как народной религиозности; устранение нечистой совести: «Жизнь состоит в том, что она исчезает. Ведь если жить правильно — по духу, по сердцу, подвигом, жертвой, долгом, — то не появится никаких вопросов, не появится желание бессмертия и т. п. Все эти вещи являются от нечистой совести»; использование философии для освобождения человека: «Вся философия есть способ самозащиты угнетённых людей против угнетателей, путём поисков такого слова, чтоб их угнетали не до смерти, чтоб слово это по-

действовало на угнетателей особым, неизвестным, магическим образом, — но чёрта с два это выйдет».

Не менее значима «...мечта о государстве, где население бьёт, издевается, колотит полицию, власть и пр. — и население наслаждается».

Нетрудно понять, что все эти цели не достигнуты до настоящего времени. Проблема смещается к обсуждению меры их утопичности или реализуемости.

Непосредственная цель революции: уничтожение буржуазии — «великой гниды земного шара». Средство: «Только деклассированные, выродившиеся из своего класса, „ублюдки“ истории и делали прежде революции... Да здравствуют безымянные „ублюдки“ и всякие „отбросы“ человечества!». «Без мучений нельзя изменить общество: ведь социализм получил в наследство мещанство, сволочь... Сознание, не закреплённое в чувстве, — это действительно контрреволюция, т. е. непрочное слишком состояние». «Если нельзя сплотить людей на основе родства, то можно их соединить на основе мучительства».

На деле великая гнида и ублюдки играют роль исторического навоза: «В революцию выигрывает „боковая сила“, т. к. главные уничтожают друг друга, а боковая остаётся при здорovie и забывает все». «Мещанин, а не герой вывезет историю». Иначе говоря, реальная революция — это мучительство масс ради победы мещан под видом революционных преобразований.

«Советская власть опирается на приспособленческие элементы, страстно цепляющиеся за жизнь и готовые на все». «Удивительно, что люди жались к жакту, конторе, к справкам, хотя в городе были мировые театры, и в мире — вечные вопросы мучения». «Люди связаны между собой более глубоким чувством, чем любовь, ненависть, зло, мелочность и т. д. Они товарищи даже тогда, когда один из них явный подлец, тогда подлость его входит в состав дружбы. Отчего это? Оттого, что человек интересен лишь с „говном“. Устраивали праздники по случаю получения паспортов, справок, воинских билетов и т. д.».

Из всего перечисленного вытекает бюрократическая природа советского государства — это «...государство, держащееся на чтении книг, газет». Жизнь в таком государстве есть беспрерывное напряжение приспособленчества и безошибочности. «Учреждения ничего не делают, сознавая бесполезность большинства дел, но взаимосвязь, прослежки, страх перед неисполнением пустяка такие сильные, что все плетётся мелочью, трётся и тихо выходит дело. Так что учреждения полезны, но не работой, а суетой». «В начале класса — чиновничий героизм; смерть на далёких бурьянных полях с портфелем и преданностью; героизм более мощный, чем военный, более глубокий и жуткий». Бюрократический героизм в СССР стал массовым явлением: «Чтобы истреблять целые страны, не нужно воевать, нужно лишь так бояться соседей, так строить военную промышленность, так третировать население, так работать на военные запасы, что население все погибнет от экономически безрезультатного труда, а горы продуктов, одежды, машин и снарядов останутся на месте человечества, вместо могильного холма и памятника». Как известно, все население страны не погибло, но СССР распался. Советская власть провозгласила социалистическую демократию, а постсоветская назвала ее «суверенной». Однако «...происхождение демократии — это переодетая полиция, это штатскость — для конспирации наблюдения».

В этом смысле А. Платонов оказался пророком. Ни цели революции, ни тайные мечтания наших соотечественников не осуществились до сих пор. Мне кажется, что проблемы, поставленные Андреем Платоновым, остаются до сих пор актуальными.

Е.В. Цымбал: Вы знаете, если начать с конца вашего выступления, то это напоминает старый анекдот. Армянское радио спрашивают «Будет ли новая всемирная война?» Ответ «Войны не будет, но будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется».

Это раз. Во-вторых, лет 15 назад, когда я делал этот фильм, я, может быть, в большей степени согласился бы с Андреем Платоновым, нежели сейчас. Потому что царская Россия тоже была бюрократическим государством. Я думаю, дело в принципах, на которых строится

государство. Потому что должны быть какие-то выходы, каналы для публикации и учёта других мнений. Если этого не происходит, получается не плавильный, но паровой котёл, который время от времени взрывается. При всей ненависти Платонова к мещанству нужно сказать, что мещанство — носитель здравого смысла в большой степени. При всей его пошлости, глупости и т. п. Что такое средний класс? Это образованное мещанство. Сейчас средний класс — основа более или менее стабильных государств. Что касается чтения газет, то я думаю, что это сейчас вообще уходящее. Сейчас властитель дум, правительство у тебя в квартире, гипнотизёр, индоктринатор — это телевидение. А дальше мы вступаем в мир интернета. Что это такое? Это уже некая мозаичность социальной психологии, мозаичность политических систем. Мне кажется, мы с вами оказываемся в совершенно новой ситуации, аналогов которой в прошлом не было.

Э.А. Паин: Это так кажется. А потом оказывается, что ничто не ново под луной. Базовые вещи воспроизводятся. Давайте не будем рассказывать об интернете. Но вы бросили реплику: «А вы знаете какая цель?» Это существенный вопрос. Есть ли некий общий путь или у каждого он свой? В вашем фильме герой едет в поезде и говорит, что граф Мирабо говорил: я готов признать любой суд, даже самый подкупленный и нечестный, но он должен быть публичный. Значит, есть какой-то набор свойств... Если вы не хотите диктатуры, то 1000 лет назад, 200 лет назад, сегодня и завтра — сделайте публичный суд, всего-то. Не так уж сложно определить набор условий, который можно задать в качестве общей для нас цели или ценности. Скажем, права человека являются существенно важными. Обычно против прав человека выступают те, кто не принимает прав другого человека. Например, Сурков написал о нашем времени как о времени долгожданной жёсткости. Это было за несколько дней до его отставки. Когда я прочитал про отставку, то понял: вот прекрасный образец. Против своих прав человека ни один живущий человек не выступает. Против каких-то абстрактных и вообще — может.

Теперь по поводу Платонова. Один Платонов может написать столько, что сотни философов потом не разгребут. Писатель он и есть писатель, и я бы не возводил это...

В.П. Макаренко: Вы имеете в виду, что писатель более безответственный, чем философ?

Э.А. Паин: Это все можно делить на 226. Каждую фразу не только великого Платонова, но даже величайшего Пушкина. В каждой фразе можно усомниться. Даже Блаженного Августина.

Е.В. Цымбал: Это правильно. В трудах любого великого писателя, как в Библии, можно найти совершенно взаимоисключающие вещи.

В.П. Макаренко: Хорошо-хорошо, но я не то имел в виду. Если вникнуть хотя бы немножко в биографию и тексты А. Платонова, то там совершенно определённо конструируется представление о возможности построения идеального общества. Он примкнул к советской власти в надежде на то, что эта утопия будет реализована. И он поверил в эту власть. А ведь именно такая вера породила массовый большевизм, что прекрасно описано в его рассказе о лампочке Ильича, как гонят самогонку, чтобы заливать ее в двигатель, чтобы он работал и давал свет лампочке Ильича. Он верил в это...

Е.В. Цымбал: Я с вами согласен.

(Поднялся шум)

Э.А. Паин: А я не согласен...

Е.В. Цымбал: А как же быть с идеальным и гармоничным миром? Быть может, этот мир вытекает из Платоновской пещеры? Ведь он имеет мало общего с реальными вещами, институтами и т. д.

Э.А. Паин: Утопия — это абсолютно необходимый образ для человеческой мысли. Без утопии, без некоего представления о счастливом будущем нет никакого движения. Да, утопия — это неадекватное выражение мира, но она абсолютно необходима человечеству как

воздух. Отдельный вопрос: какими бывают утопии? Но наличие утопии не является несчастьем. Я с этим не согласен.

В.П. Макаренко: Завтра мы про утопию поговорим специально. Но дело не только в утопии. Оно сложнее, если речь вести об А. Платонове. Я это хорошо помню — вырос на железной дороге. Вы помните такой прекрасный зелёный паровоз СУ, который возил пассажирские поезда? Я им был восхищен. А потом это детское восхищение паровозом встретил в образе Захара у Платонова. Он верил, что с помощью такой техники можно переделать и совершенно изменить мир. Убеждение, что с помощью технических средств и соответствующих им методов управления можно изменить мир, входит в состав технократической идеологии. Сегодня ее называют социальной технологией. Куча книг про это написано, защищаются диссертации, правительствующие особы говорят о том же в надежде, что они открывают некую истину. Вот о чем идёт речь. Не является ли этот поток слов и действий разновидностью платоновского Захара?

Е.В. Цымбал: Может, кто-то ещё хочет что-то сказать, а то мы узурпировали...

В.Ю. Попов: В вашем фильме присутствует известный музыкант Гарик Сукачев. Если не секрет, по каким мотивам Вы его взяли в этот фильм?

Е.В. Цымбал: В «Защитнике Седове» есть два актёра, которые были до этого практически неизвестны: Владимир Ильин, который в эпизодических ролях снялся в 20–25 фильмах, а что касается Гарика Сукачева, то я его увидел летом 1987 года на московском кинофестивале, был профессиональный клуб, там играла его группа «Бригада С». Я посмотрел на него, он мне показался человеком из того времени. Я исходил только из внешних параметров. Не знал, какой он актёр, есть ли у него какие-то способности. Мне казалось, что я сумею передать ему свою концепцию, то, что мне от него нужно. Я доволен, он был очень дисциплинирован на съёмках и никаких проблем с ним не было. Я его первый стал снимать, после меня его взял Александр Митта в фильм «Затерянный в Сибири».

В.Ю. Попов: В качестве продолжения этой темы чуть-чуть скажу. Как ни странно, как раз в интересах исторической репрезентации, на мой взгляд, получилась интересная штука. Сукачев смотрится в этом фильме как отдельное произведение, а вы его брали как типаж из того времени. Его все знают, как известного современного человека, но никак не человека тех лет. Получилось наоборот. И это тоже интересно.

Е.В. Цымбал: Вы знаете, это в вашем восприятии.

В.П. Макаренко: Это восприятие твоего возраста.

Е.В. Цымбал: Он абсолютно вписался в этот портретный ряд. Для меня это очень важный момент, потому что у каждого времени есть свои лица. Если ты смотришь хронику, то у тебя вдруг останавливается взгляд. Вот человек из нашего времени. А вот эти лица попадают в 1920–30-е годы. Но и в наше время попадают лица из тех времён. Это непостижимый для меня феномен, но я всегда стараюсь много внимания уделять исключительно внешним параметрам. Я считаю, если человек не бездарен, то совсем необязательно он должен быть великим артистом, чтобы сыграть какую-то роль. Достаточно взаимопонимания между этим человеком и режиссёром. И умения режиссёра объяснить, чего он хочет.

Женский голос: Мы знаем, что у вас первое образование истфак. Не мешает ли вам образование историка?

Е.В. Цымбал: Наоборот, очень помогает. Умение работать с источниками — вот главное, что я вынес из университета. Умение знать, где, что и как надо искать. Когда ты смотришь хронику, в описях трудно что-то понять. Например, 1 мая 1925 года. Ты начинаешь думать, что-то там может быть и прикидываешь, может ли это быть интересно.

В заключение хочу сказать вам большое спасибо. Я очень благодарен. (*Аплодисменты*). Я не отношу себя к режиссёрам, которые любят только слова: «это гениально!», «это восхитительно!», как Никита Михалков. Я люблю, когда мне говорят честно. Это даёт повод задумываться.

Второй день

Э.А. Паин Российские идеологические течения в эпоху безвременья (по материалам Рунета)

О «партии Интернета» и «партии телевизора»

Западные исследователи давно уделяют внимание Интернету как инструменту формирования общественного мнения и как его отражению. Российские учёные обратили внимание на Интернет и на его российскую ветвь Рунет только в последние годы. На это есть две главных причины.

Во-первых, Россия именно в эти годы продемонстрировала чрезвычайно быстрый рост числа интернет-пользователей, которое на весну 2012 года достигло 59,5 млн человек (это более 51% взрослого населения России). При этом по количеству времени, проведённому в социальных сетях, россияне оказались одними из самых активных пользователей в мире (третье место после Израиля и Аргентины)¹.

Во-вторых, массовые акции протеста, которые произошли зимой-весной 2011–2012 годов, заставили обратить внимание на возможную роль Рунета в формировании оппозиционных движений и координации действий участников акций.

Эти движения, как и предшествовавшие им «цветные революции» на постсоветском пространстве и «арабская весна», привели некоторых исследователей к мысли о необычайных политических возможностях Интернета. Ряд исследований указывает на пропасть между дискурсами, разрабатываемыми в социальных медиа, и тем, что в западных исследованиях принято называть *mainstream media* (прежде всего телевидение). Например, социолог М. Кастельс рассматривает Интернет как единственный инструмент «производства» и совершенствования демократии, которая перерастает в развитие социальных связей и протестов против некоторых действий власти². Традиционным клише стало выделение противостоящих друг другу в политическом плане «партии телевизора» и «партии Интернета»³. Образ телевидения, воспринимаемого как наиболее контролируемое государством и ограниченное политической телеканалов СМИ, дополняется образом Интернета в качестве независимой информационной среды. И это при том, что телевидение статистически остаётся главным источником информации для подавляющего большинства россиян⁴.

Кроме того, социологические исследования интернет-аудитории («Левада-центр», 2012 год) показали, что соотношение идеолого-политических групп в интернет-сообществах мало чем отличается от того, что социологи фиксируют во всем обществе или в среде избирателей. Численно во всех случаях пока преобладает группа провластных (пусть и не с таким отрывом, как на последних выборах президента), далее идут объединённые левые и замыкают список националисты и «демократы-либералы»⁵.

Общий вывод, который можно сделать относительно связи интернет-активности и протестных выступлений, заключается в том, что Интернет не более чем средство связи между

¹ Интернет в России. М.: Фонд «Общественное мнение», весна 2012. Вып. 37 [<http://runet.fom.ru/files/download/1387>].

² Байдакова А. Социолог Мануэль Кастельс — о неизбежности новой демократии. — Радио Свобода. 2012. 16 ноября [<http://www.svoboda.org/content/article/24620450.html>].

³ Захаров М. «Партия телевизора» живёт и побеждает. — Полит.ру. 2012. 5 июня [http://polit.ru/article/2012/06/05/internet_tv/].

⁴ Источники информации: откуда черпают информацию представители разных социальных слоёв. — М.: Фонд «Общественное мнение», 2012 [<http://fom.ru/SMI-i-internet/10481>].

⁵ Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты. — Доклад. «Левада-Центр», сентябрь 2012 [<http://www.levada.ru/sites/default/files/movementreport.pdf>].

людьми, не всегда способствующее консолидации оппозиции и развитию социальных связей. Интернет оказывает как позитивное, так и деструктивное влияние на рост реальной гражданской активности, пока не перекрывая влияния других медийных каналов.

По мере спада эйфории по поводу чудодейственных возможностей Интернета как коллективного организатора и вдохновителя демократизации в России, растёт уверенность исследователей в том, что социальные медиа могут рассматриваться как новый и важный источник знаний о процессах, которые происходят в российском обществе, и прежде всего об отражении в нем реальной картины идеолого-политического размежевания. Только здесь представлен весь спектр политических сил России, поскольку многим политическим течениям, таким как националисты, новые левые, религиозные фундаменталисты и др., нет места в *mainstream media*.

Именно на изучение этих вопросов было нацелено коллективное исследование идеологических течений современной России, проявляющихся в зеркале Рунета. Первый его этап назывался «Этнополитические процессы в российской блогосфере» (январь – сентябрь 2012 года), второй (сентябрь 2012 – апрель 2013 года) — «Российское идеологическое безвременье в зеркале социальных медиа». Исследование проводилось под руководством Эмиля Паина (НИУ ВШЭ, Москва) и при научном консультировании Галины Никипорец-Такигава (Университет Кембридж). Методология исследования достаточно подробно изложена в коллективной статье участников проекта⁶.

Идеологическое размежевание по исторической памяти

На основе анализа массовых интернет-сообществ и элитарных групп в блогосфере наша исследовательская команда пыталась определить идеологический портрет современной России. Вырисовались четыре узнаваемых «лица»: либеральное, левое, националистическое и провластное. Это те идеологические течения, которые проявились в России ещё в начале XX века и сохранились в исторической памяти, несмотря на более чем семидесятилетнюю монополию в СССР одной партии — коммунистов. Восстановившееся идеологическое разделение российского общества весьма аморфно, что понятно: люди самоопределяются на основе тех признаков, которые сохранила наша историческая память, а кроме «левых – правых», «либералов – державников» мы вряд ли что-то помним. В массовом Интернете («ВКонтакте») идеологическая направленность групп узнаваема уже по названию, вроде «Я — русский», «Наша Родина — Советский Союз», «Коммуна» и т. п. Их изучение позволило нам сосредоточиться на тех социальных феноменах, которые обычные опросы общественного мнения оставляют незамеченными. Анализ контента Рунета позволяет анализировать не только сиюминутные оценки и настроения респондентов, но и устойчивые идеологические объединения, обладающие специфическим самосознанием и особым языком. Именно с составления словаря такого сообщества начиналось наше исследование. Мы выделили наиболее популярные и устойчивые тематики обсуждений в различных интернет-сообществах, а также ключевые, специфические только для данного сообщества слова и семантико-смысловые конструкции их дискурсов.

Наибольшую группу в Рунете формально составляют сторонники действующей власти. Однако после детального изучения мы дали ей другое название — «материковая масса советских людей». Это те люди, которые всегда в большинстве и всегда составляют опору власти, даже если политический режим радикально изменяется. Сегодня они поддерживают партию «Единая Россия» и близкие ей партии типа партии В. Жириновского (ЛДПР), а также религиозно-православные группировки, но многие из этих людей в 1990-е поддерживали партию «Наш дом — Россия», созданную Б. Ельциным, а в свое время — и либералов Е. Гайдара и

⁶ Пайн Э., Мохов С., Поляков Е., Федюнин С. Этнополитические процессы в зеркале Рунета. — Политическая наука. 2013. № 1. С. 133–160.

А. Чубайса. Конформизм — вот свойство, которое прежде всего отличает данное сообщество, использующее для самоописания, в качестве главного признака, словесную конструкцию «мы — большинство» или «мы как все». Единая инертная масса имперского, советского общества, являющаяся основным объектом манипуляций, ныне диверсифицируется, постепенно, крайне медленно и болезненно, но расслаивается. Это не так заметно в самой массовой социальной сети «ВКонтакте», а вот анализ Facebook и Twitter показал, что здесь уже во всех идеологических течениях появляется множество мелких элитарных ячеек, которые сильно усложняют, раскалывают идеолого-политические течения, хотя они все же продолжают называть себя обобщенно «левыми» или «националистами».

Прежде всего, *изменения коснулись группы левых*. Именно в ней проявились совершенно новые для России течения, отчасти доказывающие справедливость вывода Фрэнсиса Фукуямы о том, что левые (пока больше на Западе) ныне сменили основной объект любви и защиты. Их больше не интересует рабочий класс, обуржуазившийся и не нуждающийся в их поддержке. Они поддерживают сегодня колониальные народы, культурные меньшинства, ЛГБТ-группы и т. д. Мы видим и в России это гигантское различие между людьми, которые называют себя марксистами, левыми. Все они выступают вроде бы за идею эгалитаризма, социальной справедливости, но между ними, между ультраксенофобами из партии Г. Зюганова и защитниками меньшинств «антифа»; между левыми Pussy Riot и советскими коммунистками, патриархальными бабушками, которые борются с теми, кого называют «кошунницы», мало общего. Впрочем, новые левые и в Рунете численно составляют ничтожное меньшинство по сравнению со сторонниками коммунистов (КПРФ).

Очень *серьёзные перемены наблюдаются в группе националистов*. Русские националисты рождались как группа, защищающая империю и самодержавие. Поэтому их политические объединения, появившиеся в начале прошлого века («Черная сотня», «Союз русского народа»), были настроены ультрамонархически и проимперски. Ныне же мы видим в среде русских националистов нарастание антиимперских настроений, проявляющихся в лозунге «Долой Кавказ!» С этого начинаются расхождения русских националистов с властью, ставящей в качестве одной из главнейших своих задач сохранение империи. Антивластные настроения усиливаются и разрастаются, проявляются не только в Петербурге и Москве, но и на периферии. Причём в некоторых районах России, например в Ставропольском крае, русский национализм выступает в качестве основной оппозиции власти.

Меньше перемен в группе либералов. Кстати, у них и меньше различий между массовой и элитарными группами. Можно выделить три основные особенности этой группы.

Первая: либеральное интернет-сообщество — самая атомизированная, разобщённая группа. Это проявляется уже на уровне самоидентификации в силу отсутствия единого термина для самоопределения. Так, скажем, слово «либерал» по отношению к самим либералам употребляется довольно редко. Из специфических самоопределений можно назвать либо сугубо этические: «мы — рукопожатные», а они — «нерукопожатные», либо такие негативные по своей природе самоназвания, как «антиселигер» (очень популярный, между прочим, термин).

Вторая особенность этого интернет-сообщества состоит в крайнем пессимизме в отношении реализации либерального политического сценария как некоего европейского пути для России. Господствуют представления о том, что либералы — это меньшинство, которое существует в некоем враждебном социальном окружении, среди народа с «рабским сознанием», поэтому это меньшинство обречено на поражение.

Из этого вытекает и третья особенность — эта группа самая некреативная, она не предлагает общей для страны повестки дня — единой программы действий. В лучшем случае делаются предложения только для «своих».

Впрочем, некоторые политические деятели, позиционирующие себя как либералы, пытаются расширить свой электорат за счёт привлечения внимания к себе со стороны русских

националистов. Таких персон совсем немного (единицы), и среди них наиболее заметен Алексей Навальный

Исследование показало, что разделение общества на идеологические группы можно считать свершившимся фактом. Отчасти это позитивный сдвиг — по сравнению с эпохой доминирования аморфной массы советских людей. Теперь тотальная мобилизация общества в мирных условиях исключена. Значительно меньше возможности манипуляции людьми. Однако у каждой медали есть и обратная сторона. Международные сравнительные исследования интернет-сообществ показывают, что российское — самое раздробленное, его идеологические «кусты» слабо связаны друг с другом, умение разговаривать и договариваться так и не появилось. При всех различиях просматривается несколько признаков, общих для всех течений. Во-первых, негативная консолидация во всех группах превалирует. Так, для самоидентификации интернет-сообщества чаще используют негативные определения («мы — не они») и объединяются только перед лицом общих врагов. Ни одна из идеологических групп, включая провластную, не выражает удовлетворённости текущим положением дел и нынешнюю власть оценивает в лучшем случае как меньшее из зол. В-третьих, во всех группах преобладает скепсис в отношении позитивных перемен. Мало кто верит, что у нас может стать лучше, и уж тем более, что скоро станет лучше. Сравнение массовой интернет-аудитории с элитарной показывает, что чем выше уровень интеллигентности, тем больше проявляется критическое отношение к современным условиям, но при этом у всех групп впечатление бесперспективности. Одни не хотят перемен, боятся их, другие хотят, но не верят в возможность благоприятных перемен. Для большинства групп *настоящее безобразно, будущее бесперспективно. И это сущность того безвременья, о котором мы сегодня говорим.*

Что нас ждёт после конца «безвременья»?

Эпоха безвременья постепенно уходит. Это ещё не очень заметно — как наступление утра зимой: пять часов утра в декабре мало отличаются от трех часов ночи, однако язык все-таки говорит нам, что одно — утро, а другое — ночь. И вот сейчас по ряду признаков уже можно угадывать приближение хмурого утра.

Фундаментом безвременья была политическая стабильность, пусть и застойная. В таких условиях большинство идеологических группировок оставались пассивными и могли позволить себе абстрактно размышлять на тему, а нужны ли им программы действий. Но это была шаткая конструкция, и стоило какой-то из ее частей проявить активность, как равновесие нарушилось. После серии митингов в 2011–2012 годах включилась власть. Ее новую стратегию Владислав Сурков, бывший главный идеолог Кремля, назвал «долгожданной жёсткостью», а политическая оппозиция (практически всех ее оттенков) — репрессиями. Так или иначе, возникает цепная реакция — действие рождает противодействие. То, что Сурков назвал «однозначной победой» власти, может быть всего лишь естественным запаздыванием ответа оппозиционных сил на действия властей. В начале прошлого века этот ответ растянулся на 12 лет (между 1905 и 1917 годом), сегодня сроки способны сжиматься, а варианты «отдачи» — быть ещё более непредсказуемыми. Оппозицию буквально провоцируют к росту напряжения: в 2010 году, когда футбольные фанаты вышли на Манежную площадь, Путин с ними встретился. Через год, после целой серии многократно больших по численности митингов, власть отказалась от диалога. Оппозиция, дескать, не конструктивная. Действительно, куда ей до футбольных фанатов. Но ведь и провластные силы не получили успокоения. Напротив, именно они стали основными потребителями потока антизападной истерии. Мобилизовать с ее помощью население нельзя, не получается, а вот страхи и фобии возрастают, а это плохая опора для стабильности. К тому же все это происходит в условиях экономического спада. За период 2012 года динамика ВВП снизилась в России примерно в четыре раза. Приток иностранных инвестиций в экономику России уменьшился и, по прогнозам, в 2013

году ещё сократится. Правительство РФ выдвинуло задачу улучшения инвестиционного климата. Но стратегия «долгожданной жёсткости» вряд ли будет способствовать этому. Вся система сдержек и противовесов, обеспечивавшая состояние застойной стабильности, деформируется. Нас ждёт интересное будущее.

Чтобы оценить, какой будет идеологическая палитра России в ближайшем будущем, стоит обратить внимание на способность к самоорганизации и объединению сторонников каждой из представленных групп. Когда все находится в становлении, эта способность очень важна. И в этом аспекте расстановка сил иная. Наибольшую способность и готовность к самоорганизации проявили левые и националисты. Заметно отстают провластные (их организуют сверху). А наименьший интерес к самоорганизации — у либералов. Соответственно, у них же самые безрадостные перспективы. Кроме того, в этом исследовании мы выделили тематические блоки дискуссий каждой из четырёх групп — новости, самоорганизация, идеология, развлечения и т. д.

Идеология — это то, чем интересуются в основном левые. Они рассуждают, что такое марксизм новый, что такое марксизм старый, что такое отчуждённость, справедливость, интересы. На втором месте по этому пункту оказались русские националисты. Меньше всех идеологией интересуются российские либералы. У них лидирует блок «иное» — это та «каша с гвоздями», которой даже названия не найти: личные фотографии, обсуждение книг, споры о киногероях и котиках... Собственно политический контент сведён к минимуму. Интерес к приватной жизни понятен, но обратите внимание: мы рассматривали политические интернет-сообщества. Справедливо заметить, что и на Западе сегодня либеральная идеология сравнительно размыта. Но почему? Потому что там основная либеральная идея — о главенстве прав человека — стала общим местом. Ею воспользовались почти все существующие партии. Либералам осталось бороться за частности. Однако у нас иная ситуация. Права человека в России ценностью не считаются. Более того, именно сейчас они подвергаются целенаправленной травле, постулируется мысль, что Запад использует идею прав человека для вмешательства во внутренние дела России. Казалось бы, в этих условиях именно либералы должны сплотиться под знаменем защиты прав человека, но, увы, и в этом лагере идут дискуссии (пусть и в иносказательной форме) о пользе соблюдения таких прав. Случается, что либералы (даже такие заметные, как Владимир Милов) предлагают с пониманием отнестись к призывам «Хватить кормить Кавказ!» и «считаться с устойчивыми стереотипами против „выходцев с Кавказа“». Какие уж тут права человека.

Идея гражданской нации, полтора века назад высказанная Э. Ренаном, в либеральном сообществе даже не упоминается. Непонятыми для идеологов российского либерализма остались и идея Э. Геллнера о нации как основе экономической и политической модернизации, и мысль Д. Растоу о том, что национальное единство — главное предварительное условие для демократии. Народ может стать источником власти, однако сначала нужно договориться, кто же такой народ. Россия решила обойти ответ на этот щекотливый вопрос, в результате у нас ведутся споры между либералами-космополитами и этническими националистами — заранее тупиковые споры. И наконец, главный грех современного русского либерализма — это склонность его сторонников к идее исторической предопределённости. В двух ее разновидностях. Во-первых, в пессимистической. В России, мол, сложилась такая авторитарная политическая культура, рабское сознание. «Плохой народ» не способен отказаться от «исторической памяти» и поддержать либеральный курс. Во-вторых, предопределённость сквозит и в натужно оптимистических выступлениях. Этот мотив преобладает на митингах, когда собравшихся убеждают, что исторический прогресс сам собой приведёт Россию к торжеству свободы и демократии. Непонятно лишь, о каком масштабе истории идёт речь — о веках, тысячелетиях? Если говорить о текущем историческом моменте, то он показывает, что победа из рук либералов ускользает. Положим, они многое сделали для того, чтобы внушить большинству населения святую ненависть к «партии жуликов и воров». Но вот публикуется список мини-

стров-миллионеров, охарактеризованных как сторонники экономического либерализма, и тут же в Интернете появляется пост: «Хорошо устроились либерасты: сами воруют, а на Путина сваливают». Доверия к либералам нет.

Неструктурированные, расколотые, донациональные общества в течение долгого времени оказываются во власти либо диктатур, либо толпы, и трудно оценить, какое из зол большее. В 1979 году после свержения монархии в Иране к власти пришла исламская теократия. В 2011–2012 годах после революций так называемой «арабской весны» в ряде арабских стран были свергнуты застойные диктатуры, но власть захватили идеологи исламского фундаментализма. В современной России в случае ослабления авторитарных тенденций и нарастания нестабильности не исключено, что претендентами на политическое лидерство станут совершенно новые силы – идеологические мутанты, возникшие из сочетания ксенофобного национализма и левого социального популизма. Их появление вызвано запросом снизу. Наше исследование показало, что единственная идея, общая для массовой аудитории каждой из четырёх групп, — это ксенофобия. Исламофобия, кавказофобия, мигрантофобия распространены даже среди либералов, а в других течениях они ещё сильнее. Также растёт популярность идеи социальной справедливости. Согласно последним соцопросам, россияне все большее значение придают условиям жизни, комфорту и защищённости по сравнению с тем же увеличением зарплаты. А власти, конечно, гораздо легче прибавить зарплату и индексировать пенсии, чем разбираться с ЖКХ. Назревает недовольство. Подстраиваясь под эту реальную повестку дня, националисты и левые мутируют. Самые активные ячейки слева и справа подхватывают лозунги друг друга, сливаясь в своеобразный национал-социализм российского разлива. В одном из информационных листовок партии «Воля», отнюдь не самой популярной, но весьма показательной, собраны все ударные лозунги: критика власти — «Наша страна умирает. Ее убивают как раз те, кто должен „по должности“ о ней заботиться, — чиновники»; национализм — «Народное движение „За Иванов!“» (это значит в защиту коренного населения России против колонизации страны); левая риторика против иностранной буржуазии — «Заводы и предприятия за годы перестройки были отданы на откуп Западу, грабительство названо „приватизацией“». Подобные лозунги в современной России вполне перспективны. История в таких ситуациях, как сегодняшняя российская, предлагала два варианта сплочения граждан на общей платформе. Либо испанский сценарий — пакт Монклоа, когда разные политические силы после смерти генералиссимуса Ф. Франко объединились в неприязни диктатуры и выработали «дорожную карту» демократического транзита; либо сценарий эволюции Веймарской республики — от авторитаризма к диктатуре. Во втором случае, как мы помним, объединение происходило не за счёт диалога и учёта мнений оппонентов, а за счёт уничтожения или выдавливания всех противников режима. Я не говорю, что в России невозможен первый сценарий. Однако опасность второго налицо: он гораздо проще, и, если ничего не предпринимать, в силу исторической инерции может осуществиться именно он.

В.А. Шкуратов: Спасибо, Эмиль Абрамович, за сообщение о фундаментальном исследовании. Но ваши результаты очень порадовали бы левых постмодернистов, Делеза и Гваттари. Они написали знаменитый «Шизоанализ». Их цель состояла в том, чтобы ни грядущая бюрократия, ни правые и левые никогда не смогли использовать правую и левую идею. Идея нации была использована левыми бюрократиями. Делез и Гваттари писали, что «тело без органов» использовать нельзя. А вы описали непрерывную текучесть дискурсов, некую реальность саму по себе, неформализованную семантику. Можно ли сравнивать этот самостоятельный, автономный фундаментальный слой постсовременной культуры с политическими ландшафтами?

Э.А. Паин: Мы как раз и пытались провести такое сравнение. Мне потребовалось бы куда больше времени и многочасовая лекция, чтобы рассказать о всех аспектах нашего исследования. Я же не приводил объяснительных схем, а просто сообщил, что мы получили. Я занимаюсь проблемами наций не только в этническом смысле, но и в гражданском и политиче-

ском. На мой взгляд, исторически длительное отсутствие политической гражданской нации в России приводит к задержке процессов политической модернизации. Общество не выступает как субъект политических отношений, а по-прежнему является лишь объектом манипуляций, электоральным ресурсом. Наше исследование показало, что какие-то, пусть и пока слабые, перемены происходят в российском обществе, проявляется какое-то идеологическое самоопределение разных групп населения. Этому процессу идеологического самоопределения сильно мешают, государство пытается его затормозить. Но это совершенно бессмысленная затея, ни одну из появившихся групп уничтожить нельзя. С каждой из них придётся договариваться. Проблема развития общества как политического субъекта и его национально-гражданской консолидации ещё слабо осознаётся не только массами, политическим истеблишментом, но и экспертным сообществом. В 1970-м году Данкварт Растоу отметил: «Единственным предварительным условием демократии является национальная консолидация». Это очень важное теоретическое положение, но о нем знают буквально несколько человек, которые занимаются политологией. Это один из примеров и одно из объяснений разрыва между политическими процессами и дискурсивными практиками. Но я полагаю, что рано или поздно они должны быть преодолены, если успеем. Ни человеку, ни стране вечного существования никто не гарантировал.

В.Ю. Попов: Эмиль Абрамович, вы обрисовали методологическое поле, в котором речь идёт о семантике. Меня интересует проблема размежевания семантического поля и персонафицированных отношений, которые в России очень сильны. Какова независимость концепций от реальных людей и их авторитета? Ведь немаловажны здесь личные связи идеологов, авторитетов в этой системе с правительствами, со спецслужбами, с фейс-структурами и зависимость идеологии от персональных связей.

Э.А. Паин: Это большая тема. Я не знаю, как это все затронуть в рамках одного семинара. Быстро и коротко отвечаю, иначе затянем время. О независимости концепций от реальных людей. Я человек старомодный и, по-прежнему, считаю, что практика — критерий истины, поэтому последняя и не зависит от личности. Например, сторонники супермодных идей говорят: в России не надо никаких лидеров, каждый из них претендует на власть, никто не хочет уступить, мы не будем бороться за этих лидеров, где вы их найдёте? Другие люди вроде меня говорят, что есть правило: если вы вышли удить рыбу, то вам на крючок нужно надеть не то, что любите вы, а то, что любит есть рыбка. Так вот, надо исходить из того, что наше общество пока не способно ориентироваться без поводырей-лидеров. Оно сильно персонафицировано. Интернет показывает, что идеологические течения группируются не только вокруг идей и лозунгов, но и вокруг популярных лидеров, ярких персон. Мне кажется, что это экспериментальное доказательство справедливости одной из концепций в упомянутой дискуссии и ее независимости от персон. Я не знаю, насколько я ответил на ваш вопрос. Может быть, я в кулуарах постараюсь ответить подробнее.

Голос из зала: Спасибо, очень интересный был доклад. Привёл в порядок мои представления как неполитолога и как симпатизирующего либеральной идее. Но как мне показалось, у вас было одно противоречие. В начале доклада вы сказали, что возможности для манипуляций сокращаются. В конце доклада вы упомянули об антиамериканизме, который соответствует манипуляции. Существующие формы психоза есть результат манипуляций.

Э.А. Паин: Я сказал: невозможно в мирное время мобилизовать весь народ на борьбу с Западом или с кошунницами. Из этих попыток получается только раскол общества. Но ещё не было такой страны, где у власть имущих не было бы возможности манипулировать общественным мнением. Есть такая возможность даже в самых передовых и развитых странах. В нашей же вертикально устроенной стране возможностей для манипуляции побольше, но эффект достигается очень слабенький. Власть использует страхи, и все же и у неё ограниченный ресурс манипуляций этими страхами. Наше исследование показало, что она не увеличи-

вает зону своей поддержки, а лишь нагнетает большой масштаб страхов и фобий среди тех, кто и без этого ее поддерживает.

В дополнение скажу: я привез с собой книгу «Идеология особого пути в России и Германии». Очень дорожу этой книжкой, которая выпущена институтом Кеннана. На неё всё больше позитивных отзывов людей, которые её прочитали. И ещё несколько книжечек, самых последних, которые выпущены нашим институтом в рамках любимой мной темы: «Антропология идеологических течений», по которой я веду семинар совместно с Высшей школой экономики.

О.Ю. Мамедов: Конечно, доклад блестящий, я должен сказать, что такого рода исследования для нас обладают новизной. Мы ещё никак не привыкнем, что появляются новые формы социальной реальности. Мы не готовы к исследованию. Я рад, что был упомянут экономический базис, но об экономике не было сказано ни слова. Имеет право это исследование быть таким? Имеет. По существу, речь идёт об анализе вторичной реальности, поскольку речь идёт не столько о реальности, сколько об интеллектуальном отражении реальных процессов. Но вы будете поражены, если узнаете, насколько представленные в докладе умонастроения отражают реальную ситуацию в экономике. Они буквально показывают удельный вес каждого сектора. Чтобы знать тенденцию будущего и снять безвременье, надо знать тенденцию развития каждого сектора. Первый премьер-министр Италии сказал: «Мы создали единую Италию, теперь нам надо создать итальянцев». Это универсальный закон. Мы создали новую Россию, теперь нам нужно создать новых россиян. Мы хотим построить рыночную экономику. Теперь нам нужно ее создать. Если бы у меня было время, я бы вам нарисовал экономическую модель, которая показывает, что настоящий, свободный рынок сам вербует своих сторонников. Только не надо мешать рынку. Вся проблема в том, чтобы создать рыночную экономику. Мы никогда не пойдём вперёд, поскольку сегодня рынок основной массе не выгоден. Таков результат обрубления гайдаровских реформ — шаг вперёд, два шага назад. Для меня существенно то, что доклад стимулирует работу не только социологов, политологов, но и экономистов. Я считаю важным, чтобы вы нашли бы ещё обоснование всему этому. Давайте заключим союз с экономистами: мы вам обязуемся сделать обоснование экономическое, и все эти выводы встанут на твёрдый фундамент. Чудесный доклад!

В.П. Макаренко
Уроки Орхана Памука,
или Как выйти за грань приличий?

По программе мне предстоит сделать доклад под названием «Проблемы анализа сталинизма. Эффект трагикомедии». И я готов об этом говорить. К сожалению, я откладываю эту тему. Скажу кратко, почему. В 1989 году я выпустил книжку «Бюрократия и сталинизм». Тогда мне казалось, что правительство СССР всерьёз заинтересовано в обсуждении и решении этой проблемы. Но всякая излишняя серьёзность вредна. К любой правительственной деятельности надо относиться с элементами юмора, сатиры и иронии. Таковы уроки М. Салтыкова-Щедрина и А. Платонова. В 1990 г. я опубликовал публицистическую книжку «Революция и власть». В ней есть глава «Шут или клоун?», в которой я проанализировал 13 томов сочинений Иосифа Виссарионыча Сталина под углом зрения комического эффекта. Напомню, что тогда вышел на экраны фильм Тенгиза Абуладзе. Мне он тоже показался излишне серьёзным. А согласно одной из мудрых мыслей, человечество должно смеяться расставаться со своим прошлым. В советское время был распространён такой книжный жанр «В мире мудрых мыслей». Ещё в старших классах школы мы туда заглядывали и нередко хохотали от того, что сплошь и рядом там можно натолкнуться на обычные банальности в упаковке «мудрых мыслей». Я хорошо помню, что толпа выходила после просмотра фильма «Покаяние» из кинотеатра «Ростов» с озадаченным видом. Большинству было непонятно, чего от них хотят

и как реагировать на фильм. Непонятно было, кого выкидывать из гроба, кого считать полудураком или идиотом? Власть в советское время не вышучивалась, а тут вдруг фильм Абуладзе.

Видимо, под влиянием фильма я попытался показать, что тексты батки Сталина можно интерпретировать как разновидность клоунады, а его самого рассматривать как клоуна. Я не согласен с концепцией покаяния, предложенной Тенгизом Абуладзе. Короче говоря, Евгений Васильевич (*обращается к Е.В. Цымбалу*), если модернизировать эффект трагикомедии, то я готов показать, что и нынешняя власть в России произносит речи и публикует тексты, которые могут рассматриваться как разновидность шутовства и клоунады. Сошлюсь для пущей важности на Маркса, Бертрана Рассела, лорда Актона и др. Все они в один голос говорят: без элемента иронии в отношении прошлого, особенно прошлого, своей страны и актуального политического режима гражданское сознание невозможно. Вот этот элемент комедии многократно отработан. Могу сослаться на бравого солдата Швейка, на Ивана Чонкина, на героев Брехта и т. д. А сейчас выскажу некоторые исходные соображения по поводу идей, которые я анонсировал 25 лет назад...

В.А. Шкуратов: То есть, это сейчас уже ваш новый доклад?

В.П. Макаренко: Да, и я его условно называю так: «Как выйти за грань приличий». Сформулирую общий проблемный контекст: в начале 20-го века в мире существовало 65 государств. В конце столетия их было уже около 240. За сто лет число политических «холодных чудовищ», если воспользоваться определением Фридриха Ницше, выросло примерно в 4 раза. Одновременно произошли 2 мировые войны. В результате первой распалась Османская империя и Австро-Венгерская империя. В результате Второй мировой войны рухнул Третий рейх в Германии. Примерно тогда же начался распад Британской империи. А в конце 20 века распался СССР. За сто лет произошли эти глобальные процессы. Тенденция распада больших государств зафиксирована в середине 20 века. Я имею в виду книгу Леопольда Кора «Распад государств». Одновременно происходил рост диктатур в малых и средних странах. Общее число войн и военных жертв в мире на протяжении 20 века оказалось больше, чем во всей предшествующей истории. Возникает вопрос: следует ли считать все эти явления, произошедшие за сто лет, нормой социально-политического развития?

Теперь сделаю конкретизацию. В контексте глобальных процессов юг России можно рассматривать как результат противоборства между Османской и Российской империями на протяжении последних 500 лет. В 2000 году в «Социсе» я опубликовал статью «Кавказ: концептологический анализ», которая получила премию за наилучшее сочетание фундаментальных и прикладных возможностей социологии. Вчера прозвучала идея сходства между турками и русскими. В русском менталитете к туркам принято относиться пренебрежительно, но парламент там возник почти на полста лет раньше, чем в России. Есть сходство и в процессах военной, административной и политической модернизации. Обращаю внимание на книгу Доминика Ливена «Российская империя и её враги с 17 века до наших дней». В ней детально прописано сходство Российской, Османской и Австро-Венгерской империй. С. Орешкова в статье «Османская империя и Россия в свете их геополитического различия» проанализировала южную политику России с 18-го века до настоящего времени и сделала вывод: для Южной политики России 19-20-го веков характерен отказ от позиции здравого смысла: «Российские национальные интересы в это время приходят в противоречие с имперским авантюризмом, овладевшим российской имперской верхушкой и приведшим, в конце концов, к национальной трагедии и крушению Российской империи».

Такова постановка проблемы. Под таким углом зрения я прочёл роман выдающегося современного турецкого писателя Орхана Памука «Биография Стамбула». Он разработал концепт любви-ненависти в отношении родного города и родной страны. Мне понравилась у него ирония по отношению ко всем привычкам, накопленным в прошлом. Дух города — это творческая связь между прошлым и современностью, Востоком и Западом, совмещение лю-

бви к книгам и искусству с принадлежностью к культуре города. Неповторимость и уникальность города вытекает из множества случайных встреч, слов, воспоминаний, цветов, образов жителей города. Популярная история формируется на стыке истории и литературы, истории и личной жизни в контексте событий, оставшихся в прошлом.

Как нам — постсоветским людям — подходить к своему и стране проживания? Я думаю, можно использовать концепт любви-ненависти. Для адекватного описания города и страны надо изображать то, что прячется за его кулисами. Нищие дальние кварталы не менее важны, чем достопримечательности центра. Характер города определяется тем, что можно увидеть и рассказать о нем только за гранью приличий. Надо усвоить критические суждения о родном городе иностранцев и иногородних. Эта информация намного интереснее банальных восторгов по поводу красоты и своеобразия любого города. Записки иностранцев о своей собственной стране и городе надо читать как собственное воспоминание. Особенно важны такие указания на особенности местной жизни, которую аборигены не замечают из-за специфической слепоты.

Короче говоря, нам надо вырабатывать привычку смотреть на свое место-развитие (если использовать евразийский жаргон) глазами чужака, чтобы обладать возможностью калейдоскопического или стереоскопического восприятия. Каждый живущий на стыке культур Запада и Востока должен стать своим собственным иностранцем. Концепт любви-ненависти позволяет дистанцироваться от политики и существующих здесь и сейчас идеологий национального и этнического патриотизма. Особенно важно отвергнуть изображение истории своего государства как истории побед. Изучать связь между идеологиями и возможностью сделать карьеру в данной стране.

Следует ли отсюда, что каждый государственный житель, если использовать термин Платонова, должен выработать свой вариант любви-ненависти к городу, стране рождения и проживания? — Так можно конкретизировать проблему.

В этом контексте я хочу предложить тему для обсуждения: «Новороссия: концепт роковой чепухи». Недавно издан дневник Ивана Сергеевича Аксакова, одного из основателей славянофильства. В этом дневнике я обнаружил много интересного, созвучного нынешним российским дискуссиям. Этот дневник имеет непосредственное отношение к Ростову-на-Дону. Он писал этот дневник почти 50 лет. И.С. Аксаков объезжал с инспекционной поездкой огромный регион от Волги до Дуная, был и в Ростове-на-Дону. По ходу путешествия он высказал интересные суждения о судьбе Одессы, судьбе евреев (предсказывал, что они непременно перейдут в православие), о сравнительном трудолюбии и уме молдаван, хохлов и русских мужиков, о поповской касте России, о русских купцах, специфике российской книжной торговли, об официальной лжи России и сравнительном воровстве в гражданском и военном ведомстве, о тайной полиции, о православных холодах правительства, сути славянофильства и т. д.

Один сюжет выделю особо. Ростов-на-Дону — часть Новороссии, в которой, по мысли Аксакова, произошло политическое соединение Великой, Малой и Белой Руси. Но именно здесь уже в середине 19-го века обнаружили следствия правительственного вмешательства в естественные процессы. О них можно говорить специально и длинно. Но весь предмет описания И.С. Аксаков резюмирует в формуле «Все народы Новороссии давно угнетены роковой чепухой современной российской жизни». Я предлагаю использовать метафору «роковая чепуха» для описания нынешней всероссийской, новороссийской и ростовской роковой чепухи.

Дискуссия должна быть трансграничной в том смысле, что наши соседи (наследники Малой и Белой Руси) тоже имеют суждения на этот счёт. Их можно связать с социологией пограничья — направлением современной социологии. Что касается нас как наследников Новороссии, то я особо обращаю внимание: у Ивана Сергеевича Аксакова проведено различие между общим российским типом и российско-лакейским типом или московско-лакейским типом. Производство всей роковой чепухи он связывал как раз с московско-лакейским типом

человека. Подтверждаются ли его прогнозы в отношении советского времени и сталинского периода в особенности?

Для ответа можно использовать монографию покойной Наташи Козловой «Советские люди: сцены из истории». Она много написала статей в 1990-е годы в журнале «Знание-сила». Она обрабатывала народный архив — письма, которые советские люди в разные периоды советской власти писали в ЦК, в правительство, товарищу Сталину. Они не только описывали свою жизнь, но и хотели удовлетворить свое естественное и неистребимое чувство справедливости. Здесь возникает попутный вопрос: можно ли провести различие между таким письмом, жалобой и доносом? Этот вопрос Н. Козлова не рассматривает. Короче говоря, надо изучать эту сферу советской письменной практики. Она интересна сама по себе, может быть предметом фельетона, фильма и научного исследования.

Н. Козлова проанализировала дневники советских людей. Я использовал ее книгу как эмпирический материал для описания советского московско-лакейского типа человека. Н. Козлова создала целую ментальную карту типов советских людей. Скажу о них кратко.

Тип сознательного нигилиста. (*Обращаясь к Е.В. Цымбалу*). Он частично пересекается с тем, что вы делаете в кино. Сознательный нигилист после революции срывал иконы, потом поумнел. Стал читать Библию.

Тип верноподданного офицера. Тот после войны служил в политотделе и читал лекции на тему «Роль товарища Сталина в организации ремонта бочек на фронте». Очень интересная тема для анализа советской системы общества «Знание».

Тип профсоюзного деятеля с полностью атрофированной социальной памятью. Наверняка все мы встречались с людьми, у которых вообще отсутствует чувство истории. Тем паче — критическое отношение к своей собственной истории. Речь идёт о естественном мемуарном синдроме приукрашивания прошлого. Этот синдром с успехом использует государство в официальной историографии. Атрофию социальной памяти вполне можно утилизировать, в том числе и в кино.

Тип председателя колхоза, ярого сталиниста.

Тип осведомителя НКВД. У него была интересная привычка — носить под мышкой «Диалектику природы» и «Капитал», чтобы производить впечатление на окружающих. Дорогие коллеги, в юности, в возрасте 18 лет у меня тоже был такой бзик: с серой лошадью («Историей философии» под редакцией академика Александрова) я тоже ходил к одной девице, надеясь произвести на неё впечатление: какой умный мужик, уже в 18 лет читает историю философии... Но осведомителем я никогда не был, а «Диалектику природы» и «Капитал» читал неоднократно. Тогда как описанный в книге Н. Козловой тип осведомителя НКВД текстов классиков марксизма так и не осилил, а под культурой (вот популярное представление о культуре!) понимал покупку костюма, мандолины и часов, чтобы гулять с ними с форсом. Это особый предмет разговора, поскольку на советских семейных фотографиях нередко приходилось видеть выставленные для обозрения наручные часы... К тому же из документальных источников известно, что советские солдаты в 1945 во время грабежей в Европе отбирали прежде всего часы и велосипеды. Так они понимали культуру...

Тип тупоголового партийно-профсоюзного работника, который жил и мыслил в языке советских плакатов. Вот сейчас Вадим Попов задал интересный вопрос: как провести различие между дискурсами и персонами? По крайней мере, язык плакатов укоренён глубоко. Провести различие между реальным и действительным содержанием популярной лингвистики довольно трудно.

Тип простой советской женщины, для которой письмо наверх и «Отче наш» выступали в одной и той же функции взывания к Богу.

Тип жертвы режима. Жена заключённого была художницей и стала элементом советского истеблишмента — клепала портреты советского великого кормчего как самый ходовой то-

вар. Хорошо известно, что заработки на портретах и скульптурах Ленина, Сталина и фильмах о них были вполне хлебным делом.

Тип «бывших людей» — сложившихся до 1917-го года деятелей искусства (Булгаков, Горький, Чуковский, Сейфуллина, Корин, Шостакович и т. д.). Эта публика славилась советскую власть за деньги, дачу, квартиру.

Тип молодёжи периода застоя — это те кому сегодня уже за 50 лет. Именно эта молодёжь превратила труд в абстрактную категорию, а досуг в главное пространство общения. Возникает попутный вопрос: то, что мы сегодня имеем в интернете, «фейсбуках» и «твиттерах», не является ли следствием указанного превращения? Часто наблюдаю студентов, которые стоят и трепяются. Но не приходилось видеть, чтобы они посвящали этот трёп научным проблемам. Говорят преимущественно о вещах, посторонних для науки. Иначе говоря, противоположность между трудом и общением стала массовой нормой поведения. Быть может, интернет сознательно эксплуатирует эту норму?

Тип деятелей советской номенклатуры, буржуа, писатели, художники.

Моя гипотеза будет чисто классификационной. Я предлагаю воспользоваться учением о базисе и надстройке, которая содержалась в советских учебниках по философии. Базисом пусть будут 11 типов советских людей, которых я перечислил. Но обращаю внимание: «советские чеканы и образцы» (так называет советское время и советскую цивилизацию Глеб Павловский) состоят преимущественно из маленьких и больших начальников, их бессловесных рабов и идеологической obsługi. Эту когорту советских людей уцелевший князь Сергей Михайлович Голицын (недавно вышли его «Записки беспогонника»), один из рядовых участников войны, предлагает назвать особым термином: «Беззаветных тружеников возглавляла всевозможное начальство: уполномоченные, особо уполномоченные, культурники, агитаторы, политработники, комиссары и всякие другие *главнюки*»⁷. Обращаю внимание: в состав главнюков входят осведомитель НКВД, который привлекает внимание людей книгами классиков марксизма. Для обозначения этого типа можно использовать также описание А. Зиновьевым «легавого марксизма».

Надстройку я предлагаю обозначить типами советских философов по типологии Леонида Столовича. В результате мы получаем грубо сколоченную табуретку, с которой уже можно работать. Мы получаем классификационную сетку для описания антропологических типов постсоветских людей и постсоветских специалистов в сфере гуманитарных наук и философии.

Чтобы связать внутреннюю политику с внешней, послушаем выводы Н. Козловой. В заключении она пишет, что все эти типы готовы были всё простить государству в любой момент времени. Вот здесь объекты научного и кинематографического интереса (в том числе фильмы Евгения Цимбала) пересекаются. Речь идёт о феномене прощения государству и превращении бывших страдальцев в его холуёв, лакеев.

Взгляните, как всё превращается в противоположность: новая ментальная карта типов советских людей, которую предложила Козлова в результате пятнадцатилетнего исследования советского «народного архива», воплощает старую гегелевскую идею о тождестве государства и типов людей. Правда, Гегель ограничивал это тождество формулами политического мышления. В его философии права три типа (политическое умонастроение, корпоративный дух и государственный разум) образуют предпосылку разумного государства. Но поскольку советское государство распалось, то можно ли считать разумным его и его разнообразную обслугу? При любом ответе следует учитывать готовность сохранившихся типов советских людей и их наследников всё простить государству. Интересно: элемент всепрощения имеет религиозное или политическое происхождение или карьерные соображения или просто соображения элементарного физического выживания?

⁷ Голицын С.М. Записки беспогонника. — М., Русский мир, 2010. — С. 31–32.

Предлагаю вдуматься в этот промежуточный вопрос. Если человек незаслуженно нанес нам вред, мы используем необходимую оборону. И не только кровная месть (типичный обычай первобытных обществ), но и уголовный кодекс на нашей стороне, хотя толкование правоприменения соответствующей статьи — тоже специальная тема. В Британии и США господствует прецедентное право. Там анализ судебных решений составляет одно из важнейших направлений юридической практики. А в России, если нас обидели «государевы люди», мы обязаны им прощать, а не привлекать к ответственности. Парадокс в том, отмечает Н. Козлова, что советский модерн — это аппарат надзора, и монополия государства на средства насилия. Социальные технологии повседневного сопротивления ведут к службе государству. Вполне возможно все это истолковать так, как предлагает Эмиль Абрамович. Но в любом случае надо выделять особый московско-лакейский тип. В постсоветской России происходит регенерация этого типа, включая Рунет.

Теперь обозначу другую проблему. Я говорил, что взгляд иностранца на место обитания чрезвычайно важен. Под этим углом зрения я прочёл, а затем проштудировал «Кавказские заметки» Эрнста Юнгера, в которые входит его характеристика Ростова-на-Дону. Он определял Ростов-на-Дону как Восток, лишенный всякой магии: «Глаз должен притерпеться к виду невыносимо тягостному, нет ничего, на чем бы он мог успокоиться. В порядке только техника: железные дороги, машины, самолёты, громкоговорители, и, разумеется, всё, что относится к вооружению. И, напротив, недостаток в самом необходимом: в питании, в одежде, в тепле, в свете. Ещё очевиднее в отношении более глубоких сфер жизни, того что нужно для радости, счастья, веселья, для щедрой, любящей творческой силы; для творчества как такового. И все это в одной из богатейших стран на земле»⁸.

Мне это было интересно потому, что знаю на основе своего жизненного и педагогического опыта: многие коллеги, дослужившиеся до профессуры, не знают, что такое когнитивное удовольствие, удовольствие от познания. «Любящая творческая сила» — это часть того, что я называю когнитивным чувством. У Эрнста Юнгера есть интересные наблюдения и фиксация тех вещей, которые мы не в состоянии фиксировать, живя здесь и сейчас в Ростове-на-Дону. При таком подходе возникает ряд сюжетов, которые условно можно назвать «Как выйти за грань приличий при изображении топоса, в котором мы существуем». Нам надо стать иностранцами в собственных городах и стране. Этот сюжет входит в рамки политической концептологии, которую я развиваю. Мой способ работы включает использование художественной литературы, научных исследований, исторических сочинений, повседневных наблюдений.

Е.В. Цымбал: Я думаю, ни Марксу, ни Энгельсу, ни Ленину со Сталиным вместе взятыми не довелось быть столько цитируемыми, сколько вы ссылаетесь на меня. Ей-Богу, я в этом не виновен.

В.П. Макаренко: В кулуарах обсудим и это.

Голос из зала: А почему выделяется 11, а не 111 типов?

В.П. Макаренко: Эта типология предложена Н. Козловой на основе детального изучения «Народного архива» — писем и дневников, которые наши деды и отцы посылали в центральные органы власти. Типы выделены на основе частоты, с которой они встречаются в этой фольк-истории. Хочу сказать, что когда я сравнительно часто публиковался в газетах, одна газета мне предлагала это сделать. В центральные газеты письма приходили целыми мешками. Вот на этой основе построена ментальная карта советских людей.

Голос из зала: Если повторить нельзя, то это уже не метод. И на каком основании делается вывод, что именно эти типы могут всё простить власти? Особенно меня интересуют бессознательные нигилисты и обиженные властью. Это чисто авторские предпочтения: если вы почитаете эти письма, вы увидите совершенно другие типы.

⁸ Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 — апрель 1945). — Пер. с немецкого Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. — СПб., изд. «Владимир Даль», 2002. — С. 221–222.

Э.А. Паин: Есть люди, которые при любых раскладах всегда верят в те инициативы, которые идут сверху. Типы приблизительно одинаковы.

В.П. Макаренко: Проблемы методологии всегда останутся спорными.

А.В. Лубский

Коллективная идентичность в СССР и сталинизм

Практика общественных дискуссий о социальной природе советской системы показывает, что из всех этапов ее истории наибольший интерес и наибольший полемический накал до сих пор вызывает именно сталинский период. Причём такое предпочтение характерно как для либералов, так и для консерваторов — и не только левых (сталинистов), но и правых.

Вместе с тем следует отметить, что полемический ракурс дискуссий постепенно смещается с социального на персональное, акцентируясь на фигуре вождя. В этой «персонификации» эпохи можно отметить ментальное сходство между постсоветскими сталинистами и либералами. Оно обусловлено тем, что выход на фигуру Сталина даёт возможность сократить радиус приближения и приобщения к тому, кто сам являл собою символ абсолютной власти.

Здесь важно подчеркнуть, что для либералов, как и для сталинистов, Сталин — символ силы, а с этим отечественные либералы считаются в силу своих ментальных предпочтений, независимо от своего личного отношения к нему. Кстати, какой персонаж из «Мастера и Маргариты» вызывает у современных поклонников этого романа наибольший интерес, независимо от идеологических или политических их пристрастий? Мастер? Маргарита? Нет. Воланд — тот, кто символизирует силу власти над другими, а какова при этом природа такой власти — это уже не столь для них важно. Культ силы власти выше культа самой власти.

Интерес к эпохе сталинизма не угасает. Сталинизм бросил вызов всем: и «левым», и «правым», и интеллектуалам, и обывателям. Почему интерес к этой эпохе не только не угасает, но и заметно растёт?

Ещё совсем недавно некоторым интеллектуалам казалось, что после того, как они скажут всю правду о Сталине, о его эпохе, назовут преступления преступлением, а зло злом, уже не будет серьёзных препятствий для десталинизации массового сознания. Однако это оказалось не так.

Социологические опросы 2012–2013 гг., проведённые «Фондом Карнеги» показывают особенности восприятия сталинизма и отношения к Сталину в массовом сознании россиян. На вопрос, какие ассоциации у вас вызывает слово «сталинизм», 60% респондентов ответили — построение социализма в СССР, 25% — репрессии, беззакония, лагеря, 20% — дисциплина и порядок во всем. «Сталин скорее жив, чем мёртв» — такой вывод делают эксперты «Фонда Карнеги» в докладе, опубликованном накануне 60-летней годовщины кончины советского вождя. На вопрос «Согласны ли вы с тем, что Сталин был мудрым лидером, который привёл Советский Союз к процветанию и благосостоянию?» 15% опрошенных россиян ответили «однозначно да», 32% сказали «да» и 25% ответили «в основном согласны». Итого — 72% позитивных ответов. Если в 1989 г. «рейтинг» Сталина в перечне величайших исторических личностей был минимальным (12%, Ленин — 72%, Петр I — 38%, Пушкин — 25%), то в 2012 г. он оказался на первом месте с 49%. Сходные данные приводят эксперты «Левада-Центра»: 49% россиян заявили социологам, что Сталин, по их мнению, сыграл положительную роль в жизни страны.

Соблазнительно искать причины этого в усилении авторитарных и державно-патриотических тенденций, которые усилились в последнее время в России. Но отмеченные тренды общественного сознания имеют место и в Украине, и в странах Закавказья. Число граждан, желающих видеть во главе государства политика, подобного И.В. Сталину, составляет существенную величину. «Наш народ никогда не сможет обойтись без руководителя такого типа, как Сталин, который придёт и наведёт порядок» — убеждён почти каждый третий участник

опроса в РФ и Грузии, в Армении такого мнения придерживается 39% опрошенных. При этом 55% опрошенных сказали, что для них смерть Сталина ассоциируется с прекращением репрессий.

Таковы данные, полученные социологическими центрами либеральной ориентации. Я специально подобрал данные именно этих центров, поскольку предлагаемые ими анкеты содержат целый ряд вопросов, которые подталкивают респондентов к ответам в антисталинском духе.

Следовательно, дело не в текущей политической ситуации, связанной с обострением идейного противостояния по поводу нашего прошлого или усилением державно-патриотических и авторитарных тенденций в современном российском обществе? Дело, по-видимому, ещё и в архетипических основаниях российской ментальности.

Интересно, что изучая современных российских респондентов, начинаешь лучше понимать советских людей, живших при сталинском режиме. В этом плане материал для размышлений дают данные об отношении российских респондентов к Сталину и современным реформаторам. Эти размышления наводят на мысль об особенностях менталитета этих респондентов.

Этот менталитет как совокупность рефлексивных и нерефлексивных представлений (образов), ценностей (предпочтений), аттитюдов (установок) носит бинарный характер, обнаруживающий несовпадение между его осознанными и неосознанными структурами. В таком менталитете в зависимости от ситуации активизируются то рефлексивные (осознанные), то нерефлексивные (неосознанные) структуры, что сказывается на отношении его носителей к тем или иным социальным явлениям и персонажам. Так, многие респонденты считают, что, не смотря на репрессии, мудрый Сталин сыграл положительную роль в жизни страны. Это наглядно проявляется также в негативных оценках россиянами результатов реформ в постсоветской России, рефлексивно соотнесённых с собственными жизненными целями и ценностями, а также в позитивном отношении к нынешним реформаторам, не сумевшими, однако, преодолеть негативные последствия преобразований на рубеже веков, как проекции неосознанных структур их менталитета.

В связи с этим следует обратить внимание на особенность национального дискурса о Сталине и сталинизма, которая связана с его нарративизацией. Нарратив — это рассказ, в котором воображение автора на основе конфигуративного замысла упорядочивает исторические факты и наполняет их значением и смыслом, исходя из культурно-символического контекста. В этом плане исторический нарратив, содержащий правдоподобные высказывания фактического характера, является продуктом культуры и языка познающего субъекта, которому заранее известен финал исторического повествования, стягивающий все сюжетные векторы его рассказа в общий фокус. Поэтому исторический нарратив является не столько описанием исторической реальности, претендующим на адекватность, сколько «инструкцией» по определению и пониманию прошлого. В результате национальный дискурс о Сталине и сталинизме становится проекцией идеологической ангажированности, экзистенциальной интенции и воображения того или иного дискурсанта.

В целом надо сказать, что исторический дискурс в современной России, утратив топику «советского марксизма», сохранил и прагматику, и стилистику его интеллектуальной работы. И это присуще и левым, и правым, и либералам, и консерваторам. Это проявляется и в отношении к сталинизму. Мы продолжаем сохранять его риторику: нетерпимость к чужому мнению и сотворение и ниспровержение кумиров. В результате две крайности: с одной стороны, героизация, с другой — демонизация советской истории.

Аргументы исторических нарративов всегда окончательны, а нарративные приговоры обжалованию не подлежат. Поэтому споры между нарративами бессмысленны и бесполезны, — они не примиряют, а ожесточают. Но понять сталинизм как исторический феномен

все же хочется. При этом я употребляю понятие «феномен» не в значении уникального исторического явления, а как продукта сознания.

В связи с этим я против некоторых упрощённых трактовок сталинизма, основанного на насилии, актах поклонения, покорности, «забвении» себя в кумире, как результата сознательного обмана масс. Сталинский режим мог стать исторической реальностью только при наличии соответствующего общественного сознания, с одной стороны, «санкционирующего» происходящее в стране, с другой — выступающего в качестве духовной основы воспроизводства и сталинизма, и сталинского режима.

Сталинизм — это не только практика, но и метафизика. Надо изучать сталинизм как отношение Вождя, Системы и Общественного. Одним из шагов в этом направлении может стать исторический анализ «коллективной идентичности в СССР».

Коллективные идентичности, или «Мы-идентичности», могут формироваться на различных основаниях. Например, на культурных основаниях формируются коллективные идентичности, принадлежность к которым члены определённой группы не столько осознают, сколько духовно ощущают. Это — различного рода «Мы-идентичности», объединённые идеей общности «почвы» или «крови», культурной или исторической судьбы. Коллективные идентичности формируются прежде всего на различении «своих» и «других», поэтому в их структуре можно выделить три взаимосвязанных компонента: 1) определение «мы» («свои»); 2) определение «они» («другие»); 3) определение границ между «мы» и «они».

«Мы-идентичности» — это воображаемые коллективные идентичности. «Воображаемые» не в том смысле, что они не существуют как социальные реальности, а в том, что они как результат коллективных воображений представляют собой особого рода ментальное гипостазирование абстрактных сущностей. Ментальное гипостазирование — это представление о реальном существовании того, что зафиксировано в понятии или образе. При этом следует учитывать, что абстрактные понятия или образы как презентации таких идеальных предметов, как коллективные целостности, навязывают определённое видение социальной действительности, благодаря чему появляются люди, заявляющие о своей принадлежности к идеальным сущностям, делая их социально реальными.

Таким образом, люди, гипостазируя абстрактные понятия или образы, начинают рассматривать коллективные целостности как реальные, а «если люди определяют ситуации как реальные, то, — согласно теореме У. Томаса, — они реальны по своим последствиям». Воображаемая социальная реальность выступает средством и формой семантической реинтерпретации внешнего социального мира, обуславливая тем самым социальные взаимодействия и социальные измерения. Воображаемая социальная реальность — это символическое пространство, которое замещает социальную действительность. Поэтому воображаемые социальные реальности играют большую роль в процессе социального взаимодействия и формирования коллективных идентичностей.

Коллективные идентичности являются результатом и информационного воздействия (конструктивистских усилий), и культурной актуализации (эссенциалистских предпосылок). В силу этого, коллективные идентичности выступают, с одной стороны, проекцией осознанных представлений индивидов, рассматривающих себя в коммуникационном пространстве определённой группы как «Мы», о своей коллективной принадлежности, с другой — проекцией неосознаваемых ментальных образов, предпочтений и установок.

Коллективная идентичность в 20–30-х гг. формировалась, с одной стороны, сталинским режимом, обладавшим значительным символическим капиталом власти и мощными информационными ресурсами, с другой — благодаря менталитету советских людей. Большая роль в формировании коллективной идентичности в СССР отводилась идее «нового человека» как презентации новой коллективной целостности. Уже в 20-х гг. прошлого века советские писатели стали уделять особое внимание формированию образа этого человека.

Для «нового человека» были характерны стихийность, цельность, страстность, непосредственность, прямолинейность, инстинктивная тяга к справедливости, жадность к жизни, наивность, невежество, любознательность, непочтительное отношение к дореволюционным ценностям, коллективизм, неприязнь к интеллигенции. На этой основе сформировался, например, массовый тип руководителя из числа рабочих и крестьян, который обладал «психологией прямого действия»: уверенностью в безграничных возможностях «революционных мер» при решении любых проблем. О.Ф. Берггольц нарисовала такой типичный портрет мелкого управленца: «Да, это государственный деятель, но деятель именно того типа. — Ее называют «хозяйкой села»... Т. к. все в основном держится на страхе, — а она проводник этого страха, его материализация, ей подчиняются. Она ограничена и узка, и совершенно малограмотна. Усвоенные ее ограниченным, малограмотным умом догмы низшей политграмоты — т. е. база «идейная» ее деятельности. Она употребляет разные термины и слова без точного понимания их значения. Но это бы полбеды. Как все чиновники, держащиеся за эту систему и смутно понимающие, что она — основа их личного благополучия, — она бессердечна, черства, суха к людям. Об этом говорили решительно все... И вот со всем этим сочетается в этой женщине — тёмное, языческое суеверие... Она говорила ему об этом с той же непоколебимой самоуверенностью, как в райкоме о чем либо: „Надо поворожить, спросить у одной женщины“».

Во второй половине 30-х гг. предпринимаются особые усилия по созданию «нового человека», наделённого «новым сознанием». Вступает в самостоятельную жизнь первое поколение советских людей, родившихся либо незадолго до Октября, либо вскоре после революции, людей, социализация которых происходила в основном в условиях сталинского режима, которые не помнили (либо даже вовсе не знали) ни дореволюционного прошлого, ни развития революции на её первом, ленинском этапе, ни действительной истории партии, ни истории Отечества, ни его культуры. Людей, чья память была «чистой доской», на которой Система и Вождь, выступавший в роли главного «инженера человеческих душ», могли начертать «нужные» фигуры.

Конечно, говоря о сознании советского общества 20–30-х гг. и более позднего периода, когда соотношение поколений все более менялось в пользу поколений «нового типа», не следует забывать, что оно вовсе не было тем «монолитным сознанием советского народа», каким его пыталась представить официальная пропаганда и каким его, по-видимому, действительно хотели видеть Сталин и «операторы» Системы. И все же, начиная с 30-х гг, доминирующая роль постепенно переходит к «новому — счастливому — сознанию», этому имманентному атрибуту «нового человека», героического энтузиаста, которому «нет преград ни на море, ни на суше», стойкого, скромного, патриота, коллективиста, готового к самопожертвованию ради дела социализма.

Таким образом, «Новое сознание» выросло из установки на полный разрыв с прошлым, традицией и историей. Старый мир должен был быть «разрушен до основания», а затем на его месте надлежало построить «наш, новый мир», в котором если не все, то многое обращалось в свою противоположность. Так, председатель ревкома уездного города Чевенгура (из одноимённого романа Андрея Платонова), где утвердился «коммунизм», объявляет собеседникам: «...У нас всему конец. Чему ж конец-то? — недоверчиво спрашивал Гопнер. Да всей всемирной истории — на что она нам нужна?»

Это была, другими словами, установка на переход в иную систему пространственно-временных координат, на формирование принципиально нового типа бытия и создание нового человека, порывающего со «старой» человеческой моралью в понимании добра и зла. Время, вперёд! «Мы движемся, как тень, с запада на восток. Мы возвращаемся с востока на запад, как солнце...» (В. Катаев. Время, вперёд!)

Однако в этом светлом «новом — счастливом — сознании» просыпалась и его «старая — тёмная сторона», обусловленная ментальностью русского человека как нормативной

личности, «принуждавшая» его добровольно вступить в интимную связь с Идолом-вождём. В этом плане «новый человек» в СССР был человеком политическим и авторитарным.

«Человек политический» как тип нормативной личности является историческим продуктом эволюции российской цивилизации и социоцентристского общества, в котором человек поглощён государством. «Человек политический», скорее, ощущает, чем осознает, что вне государства и той социальной ниши, которую он занимает, ему нет места в этом мире. Поэтому единство социоцентристского общества, заключающееся в том, что у «человека политического» нет иного выбора, кроме как принадлежать государству и выполнять предписанные ему социальные роли, — это не принцип, провозглашённый государством, а ментальная установка и даже нравственный императив.

В ментальной структуре «человека политического» доминируют политические ценности, а также установки перемещать решение всех жизненных проблем, в том числе частных, в государственно-политическую сферу. В основе ценностей и установок «человека политического» лежат этатистско-патерналистские представления о том, что государство является «творцом» всех общественных отношений и должно опекать общество и человека. Эти представления складывались на основе воспроизводства патриархальной идеи отношения человека и власти как отношения детей и родителей, подразумевающей хорошее, отеческое и справедливое правление доброго «хозяина-отца».

У «нового человека» в условиях неуклонного усиления роли государства как ядра сталинского режима, подминающего под себя и индивида, и общество, постепенно выкристаллизовывается — под видом «коллективистского», ориентированного на гармонизацию отношений между частью и целым, — этатистское сознание. Сознание, ориентирующее его субъекта на отчуждение личного интереса и личной свободы в пользу государства. Сознание со слаборазвитой или даже вовсе атрофированной установкой на свободу выбора и самостоятельное принятие решений, лишённое активного критического отношения к социально-политическому миру, пропитанное духом конформизма.

Формируется также патерналистско-иждивенческое сознание, рассчитывающее — как бы в обмен на полную растворённость индивида в Целом (Государстве) — на всестороннюю опеку «сверху», на «заботу государства». Сознание, презирающее «своеволие» личности и оперирующее только категориями «героя» и «массы» («единица — ноль, единица — вздор»). Герой повести А. Платонова «Город Градов» (написанной ещё в 20-х гг.) бюрократ Шмаков «умер от истощения, работая над большим социально-философским трудом «Принципы обезличения человека с целью перерождения его в абсолютного гражданина с закономерно упорядоченными поступками на каждый миг бытия».

Можно сказать, что такой «абсолютный гражданин» и появился в 30-е гг. в миллионах копий. Он был способен на «беззаветное служение делу» и подчинение строгой дисциплине, на самоотверженный труд в тяжелейших условиях. Он был готов без малейших колебаний одобрить любое решение партии и государства, даже если из двух одновременно одобренных им решений одно противоречило другому и оба — здравому смыслу.

В «Новом — радостном — сознании» «Нового человека» Сталин становится символом субстанции бытия. Эффект ослепления Сталиным имел не только метафизические корни. Сталинизм не мог игнорировать идею субъектности — слишком мощным был энтузиазм революционных масс. Но это противоречие он разрешил по-своему: сталинизм отчуждает от революционного субъекта такую форму его самосознания, при которой бы он воспринимал себя в качестве непосредственного субъекта истории и подменяет ее другой, согласно которой понятие «творец истории» теперь связывается с именем Сталина. Другими словами, сталинизм породил превратную форму императива революции — освобождение от власти бога, царя и героя; теперь сам Сталин стал символом и бога, и царя, и героя. Более того, со временем Сталин воспринимается вообще как символ субстанции всей советской реальности.

Поэтому «Новый человек», готовый служить государству и все ему прощать, является симулякром социальной субъектности.

Вот почему символ Сталина в сталинский период воспринимался главным образом как субстанция всего и вся, то есть как некое едва ли не божественное начало. Одним из примеров такого восприятия может послужить дневниковая запись К. Чуковского от 22 апреля 1936 г., которую приводит в своих мемуарах литературовед Э. Герштейн: «Вчера на съезде (ВЛКСМ) сидел в 6-м или 7-м ряду. Оглянулся: Борис Пастернак. Я пришёл к нему, взял его в передние (рядом со мной было свободное место). Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН стоял, немного утомленный, задумчивый, величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюблённые, нежные, одухотворённые и смеющиеся лица. Видеть его — просто видеть — для всех нас было счастьем. К нему все время обращалась с какими-то разговорами Демченко. И мы все ревновали, завидовали, — счастливая! Каждый его жест воспринимался с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой — все мы так и зашептали: „Часы. Часы, он показал часы“, — и потом расходясь, уже возле вешалок вновь вспоминали об этих часах. Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова, а я ему, и оба мы в один голос сказали: „Ах, эта Демченко заслоняет его (на минуту)“. Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью».

Так что не только сталинисты подпадали под власть этого ослепления. Впрочем, можно ли говорить о власти ослепления применительно к таким крупным художникам, как Мандельштам, Пастернак, Булгаков, которых сегодня подают исключительно как беспомощных жертв сталинского режима? Да, их могли не печатать (что действительно бывало), но представить, чтобы кто-то, даже сама власть, могла заставить их творить под диктовку, — это кажется почти невозможным. Но как тогда объяснить следующие факты? Осип Мандельштам пишет «Оду Сталину», после долгого перерыва Михаил Булгаков берётся за пьесу о Сталине («Батум»), в ноябре 1936 г. в «Известиях» был опубликован стихотворный цикл Б. Пастернака, посвящённый Сталину. Что за всем этим — в действительности? Вопрос сложный. Но не думаю, что Сталина славили только из-за страха или стремления к эфемерной славе.

«Человек политический» также полагает, что «власть рождает собственность», поэтому для него нормой являются антисобственнические настроения и отсутствие правовых гарантий неприкосновенности частной собственности. Это порождает у «человека политического» склонность к перманентному перераспределению общественного богатства, что является также индикатором коллективной идентичности советских людей.

Другой концепт, позволяющий понять «Нового человека» в СССР, — «человек авторитарный». Этот концепт синкретически вбирает в себя и склонность «человека авторитарного» в России к подавлению других — «нижестоящих», и предрасположенность к подчинению другим — «вышестоящим». «Человек авторитарный», в ментальной структуре которого доминируют установки подавления/подчинения, представляет собой тип нормативной личности социоцентристского общества, с характерной для него разбойничье-холуйской моралью — разбойничьей по отношению к нижестоящим и холуйской — по отношению к вышестоящим.

Особенностью культуры такого общества является растворение человека как личности в некоем «Мы», т. е. «своей» общности, которая выступает по отношению к человеку в качестве высшей власти и высшей силы. При этом надо подчеркнуть, что речь идёт о добровольном и зачастую самим человеком не замечаемом усвоении принятых в данной общности стереотипов мышления и образцов поведения, которые рассматриваются как единственно возможные. Принадлежность к «Мы» избавляет человека от ответственности за поиск соб-

ственных решений, мучительных сомнений, тягостного бремени свободы. Одновременно причастность к «Мы» («своим») наделяет человека гордостью и чувством превосходства.

Другой особенностью культуры социоцентристского общества является постоянное присутствие в сознании человека представления о неких «чужих» («Они»). Чем могущественней и чем более угрожающими выглядят «Они», тем сильнее потребность сплотиться, раствориться в «Мы». Деление людей на «своих» и «чужих» в культуре социоцентристского общества придаёт ей конфронтационный характер. Специфика конфронтационной культуры наиболее наглядно проявляется в способах разрешения конфликтов. Участники этих конфликтов не просто отрицают друг друга, а стремятся стать единственной социальной целостностью, что сопровождается глубоким социальным расколом в обществе. Поэтому конфликты в российском обществе, как правило, не разрешаются путём консенсуса (согласования интересов), а завершаются подавлением одной из социальных сторон. Специфика социальных конфликтов в России состоит также в том, что зачастую они не разрешаются, а откладываются, для того чтобы вспыхнуть с новой силой, как только возникнут подходящие условия. Отсюда в конфронтационной культуре сложилась и своеобразная трактовка понятия свободы, как признания только собственного права на выбор и отказ другим в таком праве. Свобода по-русски — это воля как «свобода для себя» и подавление других.

Склонность «человека авторитарного» к подавлению проявляется в агрессивности по отношению к «чужим» и безответственности по отношению к «своим», догматизме, следовании стереотипам, завышении уровня притязаний и самооценки, предельном субъективизме, слабой рефлексии и «закрытости» сознания. Предрасположенность «человека авторитарного» к подчинению проявляется прежде всего в терпимости и терпеливости, пассивности и конформизме, в нетерпимости к социальной неопределённости и нарушению социального порядка.

«Человек авторитарный» чувствует себя комфортно лишь в ситуации социальной определённости, где существуют конкретные предписания, что и как делать. Поэтому в его менталитете доминируют такие ценностные ориентации, как «страсть к порядку» и «ориентация на кумиров». При этом «порядок» ассоциируется с наличием определённых социальных предписаний и необходимостью их строгого выполнения. Эти предписания наделяются, как правило, административным смыслом: тот или иной способ жизнедеятельности должен быть разрешён «сверху» инструкциями, стандартами и законами. Эти предписания должны касаться всех сторон жизни человека: чем больше предписаний, чем шире сфера их деятельности, чем сильнее они охватывают каждого человека, чем меньше у него свободы выбора, тем больше порядка в обществе.

«Страсть к порядку» в менталитете «человека авторитарного» сопряжена с этатизмом и порождает в нем, с одной стороны, антиличностную установку, нетерпимость ко всякой индивидуальности, к не таким, «как все», а с другой — готовность всегда поддерживать государственную власть в деле «наведения порядка».

У «человека авторитарного» идеалом государственной власти выступает в первую очередь власть единоличная (ответственная), сильная (авторитетная) и справедливая (нравственная). Этот идеал государственной власти, который всегда сочетался с коллективным демократизмом охлократического толка, был ориентирован на «кумиров», не способных «ошибаться» и готовых давать «правильные» ответы на все «вопросы жизни», что и делает их предметом всеобщего восхищения и преклонения.

Однако у «человека авторитарного» существует двоякое отношение к «кумирам». С одной стороны, это вера в «кумиров», наделяемых чертами харизматических лидеров, ожидание от них «чуда», сопровождаемые постоянной готовностью подчиняться. С другой — это постоянное соотнесение деятельности «кумиров» с общей идеей, которой они должны обязательно следовать и которая сообща переживается людьми. Если эта деятельность начинает

идти вразрез с «идеями» и «переживаниями», то авторитет «кумиров» падает и их свергают, а иногда и жестоко с ними расправляются.

Одной из интенций «человека авторитарного» выступает державность, т. е. ориентация на могущественность и величественность, которая формировала у него склонность к монументализму, к грандиозным проектам самовыражения. Отсюда у «человека авторитарного» склонность к размаху, «широте души», вплоть до размашистости и невнимания к деталям и «досадным мелочам» жизни.

Такой человек ощущает свою непредсказуемость, и поэтому всегда боится настоящего, и живёт больше прошлым, чем настоящим, и уж очень любит помечтать о будущем. Мечтательность такого человека — это возвышенная устремлённость в будущее. Она сочетается с «идеоманией» как способом снятия напряжённости от глубоких общественных потрясений или извечных забот и переживаний. «Идеомания» представляет собой также форму перераспределения ответственности за происходящее между «личным» и «трансцендентальным». Все это порождает в менталитете «авторитарного человека» такие устойчивые духовные доминанты, как консервативный синдром и утопические иллюзии.

Утопизм проявляется в широко распространившемся и оказавшемся весьма устойчивым представлении о социализме (коммунизме) как немедленном осуществлении вековечных мечтаний о «праведной земле», «земном рае» или «справедливом обществе». Он проявляется в «потолочном» планировании соответствующими инстанциями показателей экономического, социального и культурного развития; в умозрительном конструировании «законов» развития общества. Утопизм обнаруживается в любезной догматическому уму трактовке перспектив планетарной эволюции, согласно которой все нации раньше или позднее должны устроить свою жизнь по советскому образцу, в представлениях о том, что капитализм и социализм относятся друг к другу примерно так, как «ад» к «раю».

Утопический способ миропроектирования неизбежно влёт за собой манихейскую, по сути, интерпретацию контекста, в котором находился утопист. Мир с его сложной системой связей, оттенков, переходов, полутонов упрощался до примитивной биполярной модели, где, с одной стороны, находились и действовали силы «света» и «добра», с другой — силы «тьмы» и «зла», по одну сторону — «свои», по другую — «чужие». «Свои» непременно должны были победить «чужих», «добро» — одолеть зло; это их предназначение и моральный долг, их «миссия». Но «зло» само не отступит, против него требуется «мобилизоваться» (проявляя при этом железную дисциплину и «монолитное единство») и вести с его носителями — «врагами» — беспощадную борьбу.

Воспитанное на таком контрастном мировосприятии «черно-белое» сознание могло уже сравнительно легко, без шока воспринимать и сам факт постоянного воспроизведения внутри страны «вредителей», «шпионов», «диверсантов», «врагов народа», равно как и совершенно иррациональные на взгляд здравомыслящего человека «разоблачения», «судебные процессы», уничтожение людей, которые ещё вчера входили в пантеон новых мифологических героев, окружавших Вождя и требовавших своей «порции» поклонения.

Утопизм и манихейство разрывали, разымали противоречивый мир на части, задавая онтологическую основу «борьбы за светлое будущее». Но они требовали дополнения их объединяющим, синтезирующим началом, ибо «борьба» могла вестись только «объединённой армией» людей, «чувствующих локоть друг друга», верящих в общность судьбы, в непобедимость ведущих их героев. Такой объединяющей силой всегда служил миф.

Одним из самых ярких проявлений мифотворческого духа стало издание в 30-х гг. «Краткого курса истории ВКП(б)», который был, в сущности, не чем иным, как сводом мифов. Реальные исторические события подменяются в нём «преданиями», в которых действуют не живые люди, а «боги», «герои» и «злые демоны». Эти «предания» предназначались для многократного повторения каждым гражданином. В них требовалось верить, как в Библию. Они не подлежали никакому рациональному анализу и критическому осмыслению. Десятки

миллионов людей снова и снова повторяли сакральные тексты, как бы заново их переживая. Историческое сознание вытеснялось мифосознанием.

Объектом целенаправленной мифологизации становится и марксизм. Сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина превращаются в канон, интерпретация которого становится исключительной прерогативой Вождя, а для остальных — в источник веры и ритуального цитирования. При этом сами основоположники лишаются реальных человеческих черт и предстают в роли своего рода секуляризированных святых, которые, как и Вождь, именованный «продолжателем» их дела, никогда не развивались как мыслящие личности, не заблуждались, не ошибались.

Одновременно складывается пантеон новых мифологических героев, прообразом которых были живые, нормальные люди, но которые, войдя в этот пантеон, лишаются своих земных черт, становятся объектами обожествления, подражания и поклонения. Венчает пантеон сам Вождь. Для абсолютного большинства людей, которые никогда не сталкивались с ним лично, лицезрея его лишь на трибуне Мавзолея в дни празднеств, на бесчисленных портретах и в скульптурах, на страницах журналов и газет, он превратился в конце концов в сверхличность, живое божество, наделённое абсолютными качествами: всевидением, всезнанием, всемогуществом. И отношение к нему со стороны людей, его сограждан не могло строиться на чем-либо ином, кроме слепой веры и поклонения.

Формированию массового мифосознания способствовало и превращение политических и социальных мероприятий (митингов, собраний, манифестаций и т. п.) в своеобразные гражданские литургии: присущие им церемониал и аранжировка призваны были показать величие живого бога и окружавших его героев, бессмысленность попыток рационального постижения их речений и деяний, укрепить веру в их мудрость и всеисилие.

Рассмотрение сталинизма в контексте коллективной идентичности в СССР позволяет выявить их метафизическую связь и феноменологическое единство. Поэтому я не сторонник объяснений отношения народа и Вождя в эпоху сталинизма формулой «жертвы и Палача». Она проста и удобна, ибо снимает ответственность с человека. В этом плане следует обратить внимание на то, что если подчинение человека радостно-ослепляющей власти сталинизма носило характер массового действия, то освобождение от этой формы отчуждения, как правило, имело сугубо индивидуальный характер. Вот почему высвобождение от этого внутреннего ослепления Сталиным проходило у каждого через свою трагедию. А у некоторых этого высвобождения не произошло и до сих пор, они продолжают жить в эпоху Вождя.

В.Ю. Попов: Вы хорошо рассказали о конструировании коллективной идентичности и конструировании технологии по формированию авторитарного сознания. Но вы несколько раз упомянули, что всё это было возможно только в силу некоего культурного подсознательного, на уровне юнговских архетипов. Каким образом ваша гипотеза архетипов как предпосылки сталинизма связана с тем, что аналогичный спрос на вождя возникает не только в русской культуре, но и в армянской, и в грузинской? Причём здесь русские архетипы, если то же самое хотят в Грузии и Армении? Это первое. И второе: как это всё связывается с вчерашним разговором о «новом» человеке? Ведь теми же методами и почти с теми же результатами построили государство в третьем Рейхе? Причём здесь культурные архетипы?

В.П. Макаренко: Скажи, что ты ошибочно использовал слово «архетипы»...

А.В. Лубский: Нет-нет, я не настаиваю ни на чем, потому что моя позиция заключается в следующем: особенность гуманитарного познания заключается в том, что мы, думая, что изучаем социальную реальность в настоящем, на самом деле имеем дело с моделями, которые были созданы до нас, и оперируем этими моделями. Эти модели мы иногда выдаём за социальную реальность. К чему я это говорю? Поэтому я исхожу из того, что каждый исследователь обладает правом выбора тех конструктов, с помощью которых он изучает ту или иную социальную реальность. Я не конструктивист, а в данном случае являюсь представителем конструктивного реализма. Я не отрицаю того, что было в советскую эпоху, не отрицаю того,

что творится у нас за окном, то есть я — релятивист. Но я исхожу из того, что мой методологический выбор и мой аппарат понятийный позволяют мне выявлять то, что я хочу изучать. И я создаю такие картины социальной реальности, которые презентуют не только социальную действительность, но и меня самого. И в любой этой картине узнается почерк самого познающего. Я исхожу из этого. Поэтому я использую такой конструктор.

Я исхожу из идентичности. Откуда берётся идентичность? Есть две противоположные установки: конструктивизм утверждает, что она конструируется человеком; эссенциализм полагает, что есть некие присущие человеку доминанты, о которых он не рассуждает и не рефлексирует. Эти доминанты содержатся в культуре. Культурные архетипы не имеют никакого отношения к юнговским архетипам. Они не передаются естественно-генетически, а усваиваются в процессе коммуникации и социализации. Армяне, грузины, украинцы прошли свою социализацию. Человек может быть обманут в том случае, если он предрасположен к этому. Если он к этому не предрасположен, то его обмануть трудно. Архетипические начала человека я выразил в концепте нормативной личности. Это то, что свойственно человеку, выросшему в условиях данной культуры, что передаётся из поколения в поколение, о чем человек не задумывается. Если бы у человека не было архетипических нерефлексивных начал, то можно было бы сконструировать любого человека.

Возникает вопрос: почему фашизм, гитлеризм и сталинизм появились в этих ареалах? Я уже говорил о том, какие коллективные идентичности формируются в культурах, основанных на общности крови, почвы и т. д. Имперская идентичность в России формировалась на общности почвы, в Германии на общности крови. Немцы и русские по некоторым ментальным характеристикам очень близки, несмотря на популярное убеждение «что для русского хорошо, то для немца смерть». Культурные основания позволяют говорить о том, что они являлись предпосылкой возникновения таких режимов.

В.Ю. Попов: Анатолий Владимирович, можно говорить о каких-то архетипах, но почти не было сказано о том, что Сталину предшествовало время большого террора, войны и разрухи. Очень много насилия.

А.В. Лубский: Мы тогда просто начнём проводить аналогии с фашисткой Германией, тоже период разочарования, разрухи, насилия. Я не касался этих вопросов. Если автор рассматривает сталинизм с позиции парадигмы злого клоуна, вождя, палача, народа или с каких-то других позиций, то это его право. Реализация любого подхода позволяет лучше понимать то, что происходило, то, что происходит сейчас, даёт нам поле большого выбора. Но дело в другом. Если одна из этих версий становится главной или кто-то назначит ее главной, то она отчуждается от носителей, становится самостоятельной реальностью. Это та абстрактная реальность, сквозь призму которой люди начинают смотреть на мир. Представьте себе, что в рамках определённой парадигмы напишут официальный российский учебник истории и издадут его десятиллионным тиражом, по которому будут учить учеников. Сквозь призму этого учебника будут смотреть уже дети этих учеников.

Т.А. Марченко: Если мы возьмём Карла Густава Юнга, то его учение о коллективном бессознательном привело его к сотрудничеству с фашизмом.

А.В. Лубский: Татьяна, я вам обещаю, что увлечение архетипами культурными не приведёт меня к идеологии сталинизма.

Н.А. Мининков
Модели поведения историков
при тоталитарном и авторитарном режимах

Прежде всего хочу поблагодарить организаторов за возможность присутствовать на такой интересной конференции и послушать интересные доклады. Моё сообщение связано с развитием исторической науки и процессами, которые в ней происходили. В центре внима-

ния будут не столько события научной жизни, сколько отношения, которые складывались на почве развития науки между историками и государством, историками и общественными структурами, а также в самой академической среде. Первоначально я думал ограничиться рамками тоталитарного режима. Но потом расширил рамки, поскольку имеются интересные образцы поведения отдельных личностей в посттоталитарный период. Возможно, эти образцы появятся и в современный период, когда будет написан единый учебник истории, в связи с этим будут высказываться различные точки зрения и разные отношения к нему. Это выявит новые особенности личностных взаимоотношений и личностей историков.

Поведение историка — исходный концепт, который я использовал. Это комплекс действий в профессиональной и общественной сфере, который определяется особенностями личности и культуры историка. Вместе с тем, модель поведения определяется не только особенностями личности и характера историка, но также и социокультурной ситуацией, которая имела место в обществе в то время, когда он жил. В истории отечественной науки при тоталитарном и авторитарном режимах выработалось несколько моделей поведения, из которых весьма условно можно выделить следующие:

1. Историк в эти рамки напрямую не вписывается, но улавливает исходящие от власти идеологические тенденции и воспроизводит их в отдельных моментах своих трудов, которые могут носить черты нормального исторического исследования.

2. Историк специально и особо подчёркивает свою аполитичность и отстранённость от идеологии, резко и принципиально отделяет науку от идеологии. Идеология — это одно, а наука нечто совершенно другое. Но в советских условиях это не исключало наличия необходимого количества цитат из классиков марксизма-ленинизма. Он занимается наукой и подчёркивает, что его исследования не имеют отношения ни к политике, ни к идеологии. Однако некоторые историки, поведение которых вписывается в третью модель, могли сочетать интерес к науке и научную работу с участием в идеологических кампаниях против историков. От этого иногда было трудно удержаться или уклониться. В условиях массовых репрессий такие историки могли подвергаться гонениям, арестам и т. д.

3. Историк отстаивает свои научные воззрения, готов вступать в конфликт с официальной идеологией ради их защиты. Иногда осторожно, а иногда резко. Чем ближе к концу советского периода, тем выступления становились более заметными и более резкими.

Типичный пример первой модели М.Н. Покровский. Тот самый который занимал первое место в ряду советских историков 20-х годов.

В.П. Макаренко: Разрешите по поводу Покровского попутно задать вопрос, а то потом забуду. Сейчас историки развивают идею казачьей революции?

Н.А. Мининков: Не видно...

В.А. Шкуратов: Я сейчас скажу — Борис Кагарлицкий...

Н.А. Мининков: Как-никак, М.Н. Покровский был заместителем комиссара народного просвещения с 1918 года до своей кончины, усидел на таком посту столько времени. Можно говорить о том, что он вписался в поведенческую модель советского времени. В этом отношении на меня особое впечатление произвёл выход в свет большого сборника документов, относящегося к академическому делу 1929–1931 гг., в период установления тоталитарного режима. В первом томе были следственные дела, посвящённые академику С.Ф. Платонову. В предисловии Б.В. Ананьич и В.М. Панеях пишут о том, что материалы этого дела отправлялись на просмотр М.Н. Покровскому. Он был в курсе, воспринимал это дело как естественное. Так было в 1933-м году, когда он был с почётом похоронен, потом все изменилось.

Случай второй модели более типичный, это такая известная личность, как Н.Н. Яковлев. Одна его книга содержит идею иудеомассонского заговора против России. С одной стороны, эта концепция не соответствовала советской идеологии. С другой стороны, она была весьма симпатична для существенной части идеологической верхушки, несмотря на несоответствие официальной марксистской идеологии. Для этой части основу идеологиче-

ских воззрений представляли не отвлечённые положения марксизма-ленинизма, но махровый и шовинистический национализм. Имеются и более поздние примеры такой модели поведения. Одной из них было активное участие В.Т. Пашуто в борьбе с так называемым остфоршунгом. Пашуто — действительно крупный историк-медиевист. С другой стороны, он явно и активно участвовал в борьбе с так называемым остфоршунгом, который развивался в ФРГ, Австрии и носил далеко не научный характер.

Ещё один пример из сегодняшнего времени. Это современный антинорманизм, на позициях которого стоит Сахаров, недавний директор Института отечественной истории РАН. Ещё одна более яркая фигура в этом направлении — липецкий историк Вячеслав Васильевич Фомин. Следующий пример этого направления, которое существует в современной исторической науке и ярко выражено на историческом факультете ЮФУ, это идеализация политики самодержавия на Кавказе, завоевание Кавказа и последующей политики на Северном Кавказе в период буржуазных реформ. На эту тему только что, в этом году защищена докторская диссертация, в ходе которой автор собрал большой материал и обследовал множество архивов, но в теоретическом отношении его позиция ожидает желать лучшего.

Третья модель поведения представлена более широким кругом историков. Типичным примером может служить основоположник концепции истории Киевской Руси Б.Д. Греков. Он создал эту концепцию, подчёркивал свою научность, отстраненность от каких бы то ни было идеологических начал. С другой стороны, есть современные исследования, посвящённые Грекову, например, Н.А. Горской в Москве. Греков сам не избежал репрессий, он опасался по поводу того, что подумают о том, что им написано по истории Киевской Руси. Было широко известно, что он интересовался историей. Наиболее яркий пример, когда крупный историк не избежал участия в идеологических компаниях, — это участие Нечкиной в сборниках против своего учителя Покровского. Эти сборники выходили в свет в 1937–1939 гг. и назывались «Против исторических концепций Покровского». Хотя Нечкиной принадлежит ряд серьёзных трудов по Ключевскому. Даже в рамках современной культуры исторического нарратива ее книги читаются с интересом.

Можно найти немало аналогичных примеров. Не избежал в 1949 году репрессий известный санкт-петербургский историк Д.Н. Альшиц, который умер в прошлом году. Вскоре после того, как он вернулся с фронта, он создал труд, в котором привёл ряд обоснований того, что поправки к лицевому летописному своду всеобщей истории были сделаны самим Иваном Грозным. В 1947 году это исследование в научной среде было встречено с большим интересом. Но наступил 1949 год, и Альшиц был арестован. Главное обвинение было таким: оказывается, он таким образом подавал сигнал к подрыву авторитета вождя, он создал пародию на редакторскую работу товарища Сталина над «Кратким курсом истории ВКП(б)». Это все у Альшица опубликовано. Никаких пародийных начал там и близко нет. Он подходил к предмету как чистый историк. Он избежал характерной для того времени апологетики Ивана Грозного. Получил 10 лет, вышел по амнистии и был реабилитирован.

Было также немало случаев, когда историк стремился яростно отстаивать свою позицию. Классический пример — академик С.Б. Веселовский, который ещё в 1940-х – начале 50-х гг. резко отмежевался от апологетов Ивана Грозного и отстаивал свою научную позицию. Следующий случай такой: в 1970 году вышел труд И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова. Там весьма осторожно было опровергнуто одно из основных положений советской историографии: начало формирования российского рынка происходило в XVII веке. Ни в XVII веке, ни даже в первой половине XVIII века Ковальченко и Милов не находили оснований для такого вывода. Этот важный экономический процесс начался только во времена Екатерины II, но никак не раньше. Что же произошло? Несмотря на то, что положение о начале формирования российского рынка в XVII веке опиралось на ленинское высказывание, ничего не произошло. Потому что оно не имело особого идеологического значения. Оно имело значение для узкого круга специалистов по истории России эпохи позднего Средневековья.

Ещё один случай был тогда, когда Волобуев и Тарновский поставили под сомнение идеологически важный тезис советской политики о том, что Октябрьская революция 1917 года носила социалистический характер. Ряд историков, в числе которых были Ю.О. Серый и П.В. Крикунов, поддерживали Волобуева и Тарновского. Но времена уже были не тоталитарные, а авторитарные. Волобуева сняли с поста директора Института истории АН СССР, больше ничего против него не предпринималось. Понятно, что против этого положения власть и идеология пройти уже не могла, так как оно было основой советской системы.

Ещё один пример с А.Я. Гуревичем. В 1970 году вышла его книга о средневековой культуре. Годом раньше вышла книга, посвящённая западному феодализму. Узкой группой специалистов по западной медиевистике она была встречена с большим интересом. Что касается самого Гуревича, то хотя он был доктором исторических наук, долгое время аспирантов ему не давали, лишили возможности развивать свое научное направление и научную школу. Таковы примеры того, что историки чётко отстаивали свою позицию.

Здесь я только наметил наличие указанных моделей поведения, может это вызовет интерес. Эти положения нуждаются в доработке, в том числе фактическим материалом (*Аплогдисменты*).

Э.А. Паин: Понятно, когда власть вмешивается в дело истории. А как вы отличаете историка добросовестного от историка-пропагандиста?

Н.А. Мининков: В профессиональной среде это различие чувствуется сразу и понятно по многим показателям, хотя бы по историографии: каков историографический обзор, как поставлена проблема, какова база источников, каковы методы исследования. И тогда это сразу становится заметно. Допустим, историк, говоря о завоевании Россией Кавказа, не использует огромный массив нарративных источников и основывает свой анализ только на источниках, написанных с официальной позиции.

А.В. Лубский: Вы приводили примеры тех, кто считался апологетами. Они использовали одни и те же источники, но давали разную интерпретацию, рисовали другие картины. Какая из этих картин более реальна?

Н.А. Мининков: Возьму для примера современного историка ливонской войны Филюшкина, который работает в Санкт-Петербургском университете. Ливонская война — существенная часть эпохи Ивана Грозного. Давно известна связь между этой войной и налогообложением, экономическим кризисом, предпосылками смуты и т. д. Он сам говорит так, что ему известны практически все эти источники войны, которые находятся в России. Но ему известна только часть зарубежных источников, относящихся к этой войне. То есть, в этом отношении кое-что ещё можно найти. Историки казачества нередко указывают на то, что отечественным историкам практически неизвестны богатые турецкие архивы, которые могут дать немало. В этом отношении наращивание материала может иметь перспективы. Что касается интерпретаций, то все зависит от того, как они обоснованы.

В.А. Шкуратов

Левая идея как символический капитал

Коллеги, когда Виктор Павлович меня ангажировал для участия в семинаре, то я стал изучать, что такое левая идея и какое она отношение имеет для России. Но Виктор Павлович перевёл меня из категории докладов в категории сообщений...

В.П. Макаренко: Ну, что ты, Володя...

В.А. Шкуратов: И если я прервусь от того, что не очень хорошо знаю то, что знаю хорошо — прошу меня не винить. Капитал по Марксу — это самоумножающаяся ценность, а символический капитал адресует нас к Бурдьё — это некое восполнение нашей материальной недостаточности статусно престижными предпочтениями. Но не буду останавливаться на Бурдьё. А начну с анализа трудов левого оксфордского профессора Терборна о состоянии левой

идеи в мире. Он дал резюме и прогнозы этой идеи на 2013 год. С его точки зрения левая идея в Европе и США терпит поражение и не имеет особых перспектив, несмотря на состояние социального кризиса. Даже несмотря на то, что на волне протестных настроений левые правительства прорываются во власть, например, во Франции. Находясь в рамках неолиберальной системы Евросоюза, они неизбежно начинают проводить нелевую неолиберальную политику. На других континентах положение не лучше. В Азии весьма консервативные и стабильные режимы несколько не склонны к левым экспериментам. А наилучшее положение левого движения и левой идеи сейчас в Латинской Америке. С его точки зрения Латинская Америка является классическим примером социал-демократической политики. Что касается России, то профессор ее даже и не упоминает, тут все понятно. Кремлевский режим проводит политику неолиберального курса, в рамках которого он периодически склоняется то к поддержке своей номенклатуры, то к популистским демаршам. Такова политика качелей в рамках неолиберального курса. Профессор не вполне точно отвечает, почему так происходит, но я думаю, что здесь стоит обсудить саму симметрию правого и левого.

Я приведу определение правого и левого, которое сформулировал итальянский политик и политолог Норберто Боббио. Он определил, что левый принцип — это принцип равенства и эгалитарности, а правый принцип — это принцип иерархии и порядка. Существуют некие полюса левого и правого. Эти полюса заданы самой природой политических движений и политической мысли. Но внутри континуума существует огромное разнообразие различных комбинаций. Действительно, нас ожидают сюрпризы и даже загадки при попытке определить политический режим.

Вспомним Оруэлла. 1984 год, Ангсоц. Он что, описывает левый режим? Нет, он описывает крайне правый консервативный режим. Он изображает утопию по Платону. Государство, которое построено на почти неизменных кастах. И в такой чрезвычайно английской манере, я бы это назвал тоталитаризмом по Юму. Чрезвычайно большое значение придаётся внутренним интроспективным комплексам, которые подвергаются разработке власти. И это очень похоже на сталинизм.

Что такое сталинизм? Левый режим, но не похоже. Очень иерархичный режим, все носят мундиры. И приходится вести некую историческую последовательность этих переходов демократизации, движения левой идеи на разных исторических площадках. Сначала принцип демократизации и левое движение существует в хилиазме — левом христианстве. Затем буржуазно-демократические движения XVIII века, «Декларация прав гражданина...» — это равенство. Либерализм является очень левым, но равенство... Затем социалистические, социал-демократические, коммунистические идеи XIX века, где равенство должно быть имущественным и классовым. А сейчас на крайне левом фланге находятся уже не социалисты и демократы, а сторонники биологической эмансипации, то есть биологического равенства. Борцы за права сексуальных меньшинств, за права детей и т. д. На их фоне социал-демократическая идеология уже не кажется левой. И если мы спросим здесь левое в основном население, то его придётся анализировать с точки зрения классических концепций XIX века. То есть равенство по имуществу — да, но с точки зрения биологического, биосоциального равенства — нет.

Значит, мы определяем успешность или неуспешность левой идеи на разных исторических и социальных площадках. Латинская Америка по своей классовой структуре максимально близка к европейским обществам периода индустриализации. А в Европе уже очень мало рабочего класса, там в промышленных классах занято около 10%. Поэтому опоры классические левые идеи там уже не получают, несмотря на кризис и появление новых бедных. А в Китае сейчас количество индустриальных рабочих в 2 раза превышает количество индустриальных рабочих в странах большой семёрки, вместе взятых. Но китайские рабочие совсем не стремятся организовывать профсоюзы и принимать самостоятельное участие в политике.

Третья часть моего сообщения посвящена обсуждению идентичности и сущности русской элиты. Чем для нее является символический капитал, особенно капитал левой идеи? Почему в России левая идея получила такое значение среди интеллигенции? Вот здесь именно идентичность. Именно символический капитал, а элита становится элитой в той степени, в какой она не является туземной, выделяется из туземной массы. Поэтому я думаю, что рассматривать петровские преобразования как сугубо модернизационные односторонне. Спрашивают: зачем Петр I переделал все городское население в немецкое платье? Отвечают: чтобы победить в войне с Швецией. Но разве для победы над шведами дворянам было обязательно курить табак, пить грог, а их жёнам переодеться из сарафанов в платье с декольте?! Нет, здесь скорее всего дело состоит в умножении символического капитала. В том, что русская элита должна была опять выделяться из массы, поскольку она приобрела большой символический капитал при Крещении Руси, когда она стала сильно отличаться от массы. И таким образом получила рычаги управления ею. Можно долго продолжать, потому что здесь начинается гонка преследования, соперничество между двумя группами элиты. Сначала она — общегосударственная элита. Затем внутри нее выделяются фракции: правительственная элита и оппозиционная элита, которые наращивают капитал по-своему. Оппозиционная элита за счёт левой идеи, а правительственная за счёт правой. Но то и другое они сначала заимствуют со стороны. Сегодня первый случай, когда символический капитал уже не импортируется, а экспортируется капитал левой идеи. Пожалуй, это бакунизм, который является очень левой идеей, левее марксизма, но уже с международным весом. То есть, внутрь народо-вольческих движений анархизм бакунистского толка уже импортируется, пройдя там оборот и получив некоторый престиж. (*Аплодисменты*).

Э.А. Паин: Я все время задаю вопрос насчёт символического капитала и фактора смены одежды. Эта гипотеза не хуже других, но возникает одна сложность. Нечто похожее происходило и в соседней стране, которая на нас очень сильно похожа. В соседней Османской империи было все как у нас — реформа, контрреформа. Там вплоть до XX века существовала связь модернизации и реформы одежды. Ататюрк потратил свой огромный капитал на то, чтобы убрать феску.

В.А. Шкуратов: Там это встречало сопротивление...

Э.А. Паин: Если это так, может гипотеза и в России неверна? И более верно понимать модернизацию по Петру, чем по Ататюрку?

В.А. Шкуратов: Она состоит в расходах на предметы одежды, роскоши. Например, русское дворянство в XVIII веке тратит огромные суммы на западные предметы роскоши и быта, обогащая всяких архитекторов, композиторов и прочих «французикиков из Бордо». Это уже является показателем. Есть интересные исследования, когда появляются в России собственные дома модной одежды. Они появляются только в конце XIX века, когда российская элита настолько уже накопила капитал внутри, что она позволяет внутри страны создавать и потреблять свое. Эта сфера исследований даёт некоторые основания перехода к сырьевой экономике. Почему элита предпочитает продавать сырьё, но не создавать эту индустрию у себя? Вот интересный момент.

Э.А. Паин: Как вы оцениваете гипотезу Ходорковского и Зюганова о том, что в ближайшие годы именно левая идея будет доминировать в России?

В.А. Шкуратов: Два года тому назад я на это даже надеялся. Но сейчас нет. Сейчас мне кажется, что путинский век является долгим.

Е.В. Цымбал: Я так заслушался, что забыл вопрос. Но в качестве реплики хочу сказать, что был очень обрадован, услышав моё любимое слово «хилиазм», но неиспользуемое в кинематографических кругах. Кроме того, я понял, что капитал — это не только реальный капитал, но ещё и символический. Если идти дальше, то я хотел бы связать появление русских модных домов с развитием нашей текстильной промышленности. Монополистом в этом до XIX века была Великобритания. В Англии до 1848 года существовал закон, предусматриваю-

щий смертную казнь за вывоз из страны текстильных машин и технологий. Когда его отменили, то первыми это дело подхватили немцы и прежде всего персонаж по фамилии Кноп. Он рьяно взялся за дело. Города центральной России — Иваново, Москва, Кострома и Подмосковье — так быстро и успешно стали применять машины, что примерно к 1868 году, т. е. спустя 20 лет, Россия стала главным конкурентом британского текстиля на мировом рынке. Случилось это потому, что близко были сырьевые базы. Бурное развитие текстильной промышленности стало выгодно. Появилась реальная потребность в создании продукта из этого текстиля. Это впоследствии повлекло создание модных домов и текстильных промыслов...

А.В. Лубский: И этим потом занимались старообрядцы...

Е.В. Цымбал: Да, совершенно верно! Это очень точное дополнение.

В.А. Шкуратов: Собственно русские модные дома возникают на грани XIX–XX веков. Эта модель предполагает понятия экспорта и импорта. А культурный экспорт из России начинается во второй половине XIX века, с экспорта русской литературы, кстати...

Е.В. Цымбал: Я думаю, что все-таки с Тургенева. Никто столько русскости не привнёс...

В.А. Шкуратов: Да, русская культура в начале первой мировой войны уже модная на Западе. Уже наступает следующий цикл — не импорт, а экспорт культуры. И большевики это культивируют.

В.В. Вольчик: Я хотел бы сказать по поводу левой идеи, об этом почему-то никто не сказал. Мне кажется, что левая идея развивается параллельно исламскому возрождению. Исламское возрождение — это левая идея. Может быть, будущая левая идея — это исламское возрождение? Может она просто примет другие формы? С одной стороны, мы говорим, что она проиграла, но неизвестно ещё, как повернётся исламская идея.

В.А. Шкуратов: Я не специалист в исламской идее. Хотя революция 2011 года на арабском Востоке и потерпела поражение, но это временное явление, вероятно, в форме исламского социализма.

В.П. Макаренко: На этом завершаем. Всем большое спасибо!